

Путешествие по Шавии и Тушетии.

I.

Долина Бѣлой Арагви. Горы между Арагвой и Йорой. Растительность. Древняя церковь. Верхняя и нижняя Тионеты. Дорога къ Алазанской долинѣ. Видъ на нее съ горы. Долина рѣки Ильто. Селеніе Ахмети. Пере-права черезъ Алазань. Долина Штори, ея лѣса, звѣри и птицы. Восхождение на перевалъ Мтидъ-гверди. Красивая мѣстность. Путешествіе въ область облаковъ и надъ ними. Видъ на верховья Штори, Алазани и Лопоти съ вершинъ горъ. Видъ на Пирикительскій хребетъ и верховья Андійскаго Койсу съ гребня Главнаго хребта. Перевалъ Мтидъ-гверди. Спускъ съ него.

Во второй половинѣ юна пріѣхалъ я вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Т. въ селеніе Анануръ, расположеннное на правомъ берегу Бѣлой Арагви у самой Военно-грузинской дороги. Здѣсь намъ надо было отыскать себѣ проводника и верховыхъ лошадей, чтобы прѣѣхать отсюда черезъ Тионеты и Алазанскую долину въ Тушетію. При помощи старшины мы очень скоро нашли себѣ въ проводники одного молодаго грузина, который, предложивъ намъ своюхъ лошадей, взялся сначала сопровождать насъ только до Тионетъ, а потомъ, вѣроятно, почувствовавъ себя болѣе или менѣе хорошо въ нашемъ обществѣ, изъявилъ желаніе остаться при насъ на все время нашего пребыванія въ горахъ. Такъ какъ онъ довольно хорошо говорилъ по русски, зналъ, конечно, грузинскій языкъ и могъ служить намъ переводчикомъ, то мы съ удовольствіемъ приняли его предложеніе.

Анануръ и его окрестности слишкомъ извѣстны для того, чтобы описывать ихъ. Замѣчательна здѣсь только старинная церковь съ поросшимъ уже травою куполомъ, выстроенная, какъ говорятъ, въ 1704 г. еріставомъ Георгіемъ, принявшимъ впослѣдствіи въ угоду туркамъ магометанство *).

*) Эта церковь описана графомъ И. Толстымъ и Кондаковымъ въ ихъ сочиненіи „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, вып. 4-й, 1891 г., стр. 76.

Дорога оть Ананура къ Тионетамъ идеть сначала по правому берегу Бѣлой Арагвы и па большей части своего протяженія тянется на пѣкоторой высотѣ надъ рѣкою по густому мелкому лѣсу, состоящему главнымъ образомъ изъ кизила, орѣшника и ольхи. Арагва, повернувшая у Ананура подъ прямымъ угломъ, течеть здѣсь почти прямо въ востоку и на широкомъ, ровномъ, усыпанномъ гальками днѣ долины, разбивается на множество отдѣльныхъ рукавовъ. На островахъ и по берегамъ рѣки здѣсь также растеть ольха, облѣпиха (*Nirporphae rhamnoides* L.), гребенчукъ (*Tamarix*) и т. д. Съ лѣвой стороны долины Арагвы поднимаются довольно высокія горы, покрытыя почти сплошнымъ лѣсомъ.

Такой характеръ сохраняетъ эта долина на протяженіи верстъ семи, именно до селенія Жипвали, расположеннаго на высотѣ 2400 ф. и приблѣзительно на версту ниже сліянія Пшавской Арагвы, получающей начало на горахъ Пшавіи и Хевсуріи, съ Бѣлой Арагвой. Отъ Жипвали долина Арагвы нѣсколько съуживается и направляется почти прямо на югъ; но здѣсь наша дорога переходитъ на лѣвый берегъ рѣки и съ каждымъ шагомъ все больше и больше удаляется отъ нея. Кромѣ того она входитъ въ лѣсъ и начинаетъ подниматься на довольно большую гору, составляющую часть того хребта, который на протяженіи многихъ десятковъ верстъ служить водораздѣломъ между Іорой и Арагвой. Дорога здѣсь довольно широка, хорошо выѣзжена, идеть по твердому каменистому грунту, и если бы не пересѣкалась многими крутыми балками, то могла бы служить и для єзды въ легкихъ экипажахъ; обыкновенно же по ней ходятъ пѣшкомъ, єздятъ верхами и на арбахъ. Густой, но уже довольно сильно пострадавшій отъ топора, лѣсъ тянется здѣсь все время по обѣимъ сторонамъ дороги. Онъ состоить изъ самыхъ разнообразныхъ древесныхъ и кустарниковыхъ породъ, при чемъ послѣднія, кажется, преобладаютъ надъ первыми. Виноградная лоза поднимается здѣсь по стволамъ деревьевъ на высоту нѣсколькихъ сажень и достигаетъ часто 3—4 дюймовъ толщины. Несравненно чаще встрѣчается держи-дерево (*Paliurus aculeatus*), увѣшанное множествомъ блестящихъ желто-зеленыхъ плодовъ, въ видѣ блюдочекъ или розетокъ, и выглядывающее довольно красиво, но очень непріятное за свои оstryя, крѣпкія колючки. Такжѣ часто встрѣчается ломоносъ (*Clematis vitalba* L.), вьющееся съ бѣлыми цвѣтами растеніе, которое такъ

сильно заплетаеть своими длинными стеблями кустарники и небольшія деревца, что они превращаются въ нечто похожее на балаганъ или шатерь, въ который пролѣтъ почти невозможенъ. Кроме того здѣсь очень часто встрѣчаются еще слѣдующія кустарниа и древесныя растенія: боярышникъ, кизиль (Cornus mascula), свидина (Cornus sanguinea), шишкы (Mespilus germanica), орѣшникъ, бирючина (Ligustrum vulgare), сумакъ (Rhus cotinus) съ красивой зеленью и пушистыми метелками; далѣе яблоня, груша, черешня, кленъ (Acer campestris), липа, вязъ (Ulmus campestris), дубъ, букъ (Fagus silvatica), ясень и чаще всего грабъ (Carpinus orientalis Lam.), дерево среднихъ, даже чаще небольшихъ размѣровъ, съ мелкими складчатыми листьями, встрѣчающееся по сторонамъ дороги почти на каждомъ шагу; наконецъ, попадаются здѣсь, главнымъ образомъ, впрочемъ, вблизи Жилья, волошкіе орѣхи, но далеко не такие пышные и красивые, какъ въ Имеретіи или Мингреліи.

Пробѣхавъ верстъ 7 отъ Жинвани и взобравшись на вершину горы, мы попали на небольшую полянку, окруженнную со всѣхъ сторонъ мелкимъ лѣсомъ. На ней стоять полуразрушенная старинная грузинская церковь, имѣющая видъ четырехугольника длиною въ 25 аршинъ и ширину 18. Церковь сложена частью изъ тесанаго камня, частью изъ простыхъ, неотесанныхъ плитъ плотнаго известняка или песчаника съ прослойками бѣлого кварца. Тесанный камень представляетъ очень крупные куски; некоторые изъ нихъ при достаточной ширинѣ и толщинѣ имѣютъ длину въ 2 арш., большая-же часть приблизительно въ аршинъ. Куполь церкви сдѣланъ изъ тесанаго камня, а своды изъ плитъ.

Внутри церковь также представляетъ четырехугольникъ; алтарь выступаетъ наружу въ видѣ полукруглой абсиды, ширину въ 6 аршинъ; съ обоихъ боковъ его находятся еще по одному отдѣленію въ родѣ узкой комнаты. Въ одной изъ нихъ сохранились каменные скамейки, а въ другой на полу сложенъ маленький сводъ, подъ которымъ находится пустое пространство, напоминающее небольшой погребъ или какой-то подземный ходъ. Потолокъ церкви имѣть видъ цилиндрическаго свода, въ срединѣ которого находится еще куполь въ византійскомъ стилѣ. Половина купола, впрочемъ, уже разрушилась. Окна церкви очень узкія и высокія, напоминающія своей формой бойницы. На наружныхъ стѣнахъ церкви они окаймлены

высѣченными на камняхъ стѣнѣ валиками, а въ одномъ мѣстѣ (со стороны входа въ церковь) въ простѣнкахъ между окнами на плитахъ песчаника находятся кромѣ того орнаменты. Съ сѣверной стороны церкви непосредственно къ самой стѣнѣ ея примыкаетъ еще небольшая пристройка въ 8 $\frac{1}{2}$, арш. длины и 5 ширины. Она гораздо ниже церкви, имѣть крышу въ видѣ простого ската, а внутри сѣверная и южная стороны ея вмѣстѣ съ потолкомъ образуютъ сплошной параболической сводъ; западная-же и восточная также представляютъ двѣ кривыхъ поверхности,—какъ бы не законченные, не переходящіе другъ въ друга своды; кромѣ того въ стѣнѣ, обращенной къ востоку, находится дверь, шириной около аршина и высотою около двухъ аршинъ.

По словамъ нашего проводника Егора, этотъ храмъ построенъ во имя Божіей Матери. Въ книгѣ гр. Толстого и Кондакова я не нашелъ описанія этого храма и, не зная вообще, существуетъ ли оно, рѣшилъ дать ему мѣсто въ своей статьѣ, вовсе не посвященной археології.

Недалеко отъ церкви по лѣсу протекаетъ небольшой ручеекъ, въ которомъ мы набрали воды для чая и напоили своихъ лошадей. Такъ какъ въ это время было уже часовъ 6 вечера, то мы рѣшили на полянѣ, вблизи церкви, переночевать. Трудно забыть эту чудную ночь. Она была умѣренно теплая и совершенно тихая; небо блестѣло безчисленнымъ множествомъ звѣздъ; свѣжий, чистый, ароматный воздухъ дѣйствовалъ какъ-то особенно пріятно на нервы; кромѣ шума, производимаго нашими лошадьми, не было слышно ни одного звука, и только изрѣдко это безмолвіе и тишина нарушались доносившимся издали крикомъ совы и завываніемъ какого-нибудь звѣра. Невольно вспомнилъ я слова измѣцкаго писателя про „бѣдныхъ жителей городовъ“, никогда не видящихъ небесъ и земли въ ихъ истинномъ великолѣпіи.

За развалинами церкви, дорога къ Тюнетамъ идетъ по склону горы, при чемъ вправо отъ нея и параллельно ей тянется довольно глубокая и широкая долина, покрытая сплошнымъ лѣсомъ. Между деревьями среднихъ размѣровъ видны въ ней огромные чинары, букъ (*Fagus silvatica*), прямые стволы которыхъ, покрытые гладкой свѣтлострой корой, уже издали обращаютъ на себя вниманіе. На днѣ этой долины блеститъ небольшое озерцо, напоминающее обыкновенный прудъ, образовав-

шайся вслѣдствіе сооруженія плотины на днѣ глубокой балки. Отъ него доносится слабый однообразный шумъ воды.

На этой дорогѣ, также почти все время идущей по лѣсу, встрѣтили хорошо одѣтаго грузина, съ тщательно вычищенной кремневой азіатской винтовкой. Этотъ грузинъ оказался полъ-совѣщикомъ. Я поинтересовался распросить его о томъ, какіе звѣри водятся въ охранныхъ имъ лѣсахъ, и изъ его разсказовъ узналь, что здѣсь очень много медвѣдей, есть дикия козы, кромѣ того зимою часто попадаются олени, которыхъ, лѣтомъ приходится видѣть однако очень рѣдко.

Пробѣхавъ еще нѣсколько верстъ по лѣсу, мы выбрались наконецъ на опушку его, гдѣ дорога начинаетъ уже спускаться внизъ. Отсюда открывается прекрасный видъ на Тушури или Верхнія Тіонети. Это живописное мѣстечко расположено у слиянія нѣсколькихъ ручьевъ, составляющихъ рѣчку Куспо, на полянѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ сплошными лѣсами, растущими по склонамъ горъ, поднимающихся тысячи на полуторы футовъ выше селенія. Внизу, вблизи подошвы ихъ, гдѣ лѣсъ уже кончается, вокругъ селенія красиво разбросаны во всѣхъ направленіяхъ длинныя узкія полоски хлѣбныхъ полей.

Верстахъ въ 6 отъ этого мѣста находятся Нижнія Тіонети — уѣздный городокъ, въ которомъ сосредоточено управлѣніе Шлавіей, Хевсуріей и Тушетіей. Это, безъ сомнѣнія, лучшій изъ городковъ Закавказья. Онъ расположенъ также на двѣ долины, окруженнѣ со всѣхъ сторонъ лѣсами и горами. Около самыхъ Тіонетъ, съ восточной стороны, протекаетъ довольно большая рѣчка Іора, которая разбивается здѣсь на нѣсколько рукавовъ. Благодаря возвышенному положенію (3627 ф. надъ ур. моря), Тіонети имѣютъ очень здоровый климатъ, прохладное лѣто и прекрасный свѣжій воздухъ.

Въ Тіонетахъ, знакомыхъ мнѣ уже раньше, мы остановились лишь на нѣсколько часовъ, чтобы сдѣлать кое-какія закупки для путешествія по горамъ, гдѣ ни магазиновъ, ни лавокъ уже не существуетъ вовсе, и затѣмъ отправились дальше. Дорога отъ Тіонетъ къ Алазанской долинѣ переходитъ черезъ Іору и дальше на протяженіи болѣе 15 верстъ тянется по лѣсу. Она недавно раздѣлана, обставлена съ боковъ выкрашенными въ бѣлый цвѣтъ деревянными столбиками и выглядываетъ очень красиво. Такъ какъ эта дорога на большей части своего протяженія располагается на довольно значительной высотѣ (при-

близительно на 3500—4000 ф. нѣдѣль ур. моря), то лѣса, окаймляющіе ее съ обѣихъ сторонъ, значительно разнятся отъ тѣхъ, которые растутъ напр. по Арагвѣ и вообще на болѣе или менѣе низкихъ мѣстахъ. Они состоятъ здѣсь изъ бука, дуба, граба; значительно рѣже попадается яблоня, груша, лыча; но волошскій орѣхъ, плющъ, виноградъ и держи-дерево почти не встрѣчаются. Зато здѣсь растетъ въ изобилии ежевика, ожина и, кромѣ того, сильно ядовитая Atropa Belladonna L. Послѣднее растеніе мнѣ раньше почти не встрѣчалось, здѣсь-же по сторонамъ дороги оно попадается почти на каждомъ шагу.

Часовъ въ 6 по полудни, послѣ 4 или 5 часовой Ѣзды по вѣковому тѣнистому лѣсу, занявшему все пространство между Тюнетами и Алазанской долиной, выѣхали мы наконецъ на открытое мѣсто. Глазамъ нашимъ открылась въ это время картина, передъ которой окажется безсильнымъ всякое перо. Мы находились въ это время на болѣе или менѣе высокой горѣ, и знаменитая Алазанская долина съ ея безчисленными виноградниками, садами и рощами, разстилалась у нашихъ ногъ. По срединѣ ея тянулась блестящая, какъ серебро, узкая лента, образующая множество петель и извилинъ,— это рѣка Алазань. Берега ея всюду были покрыты рощами, перелѣсками, лугами и золотистыми нивами, а значительно дальше, по обѣимъ сторонамъ долины, тянулись болѣе или менѣе высокія горы, отъ низу до верху заросшія густымъ лѣсомъ; у подножья ихъ виднѣлись небольшія селенія; кромѣ того, верстъ 20 отъ насъ, на самой срединѣ долины, отчетливо обрисовывался величественный бѣлый Алавердскій соборъ, остроконечный куполь котораго поднимается на 32 сажени отъ земли. Прекрасно видно отсюда селеніе Ахмети, прославившееся хорошимъ кахетинскимъ виномъ, и широкая Альванская долина, гдѣ Алазань разбивается на множество отдельныхъ рукавовъ и принимаетъ въ себя справа и слѣва по нѣсколько мелкихъ притоковъ.

Полюбовавшись въ теченіи минутъ десяти этой прекрасной картиной, мы черезъ поля и луга начали спускаться къ Алазанской долинѣ. Въ это время солнце склонилось еще ниже, воздухъ сдѣлался замѣтно прохладнѣе, горы и деревья стали отбрасывать длинныя извилистыя тѣни, чередовавшіяся со свѣтлыми полосами, освѣщенными послѣдними лучами догорающаго солнца, и Алазанская долина стала еще гораздо красивѣе и живописнѣе. Чтобы попасть въ нее, мы должны были прой-

хать нѣсколько верстъ вдоль рѣчки Ильто. Верхняя часть ея долины, направляющаяся почти прямо съ сѣвера на югъ, очень живописна; она страшно глубока, окружена высокими горами и кромѣ сплошной зелени лѣсовъ глазъ не открываетъ ни на дѣлѣ, ни на склонахъ ея ровно ничего; на протяженіи верстъ 25 отъ начала ея на склонахъ Кавказскаго хребта въ ней нѣть даже ни одного аула или селенія. Верстахъ въ 10 выше сліянія Ильто съ Алазанью, Ильто поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ и направляется на востокъ. Здѣсь долина ея измѣняетъ свой характеръ и становится болѣе или менѣе широкой и просторной.

Проехавъ верстъ 7 или 8 по правому берегу Ильто, мы попали наконецъ въ селеніе Ахмети, расположеннное на рѣкѣ Орбели, впадающей въ Алазань. Далеко разбросанные другъ отъ друга домики Ахмети раздѣляются садами и даже хлѣбными полями. Виноградниковъ здѣсь очень много, кое-гдѣ растеть инжиръ (винная ягода), но лучшимъ украшеніемъ этого селенія надо считать огромные, раскидистые волошскіе орѣхи. Подъ однимъ изъ нихъ, на хорошенъкой, покрытой зеленою травой площадкѣ, мы расположились на ночлегъ. Вечеръ былъ превосходный, тихій и теплый, а небо свѣтилось безчисленнымъ множествомъ звѣздъ. Въ здѣшнемъ духанѣ мы добыли себѣ сыру и за очень дешевую цѣну отличного вина; потомъ приготовили чай и подъ открытымъ небомъ, послѣ болѣе или менѣе утомительной дороги въ теченіи цѣлаго дня, закусили и выпили вина съ такимъ наслажденіемъ, которое можетъ оцѣнить только путешественникъ по горамъ, изо дня въ день работающій всѣми мускулами своего тѣла и дышацій самыи здоровымъ горнымъ воздухомъ.

На слѣдующій день намъ надо было проѣхать еще верстъ 15 внизъ по Алазанской долинѣ, затѣмъ повернуть влѣво, на сѣверъ, въ долину рѣки Штори, по ней подняться на склоны Главнаго Кавказскаго хребта, переночевать тамъ и тогда уже перевалиться на сѣверную сторону его, именно въ Тушетію, съ природой которой мнѣ хотѣлось познакомиться. Но прежде всего этого намъ предстояло совершить пелѣкое дѣло, именно переправиться вбродъ черезъ Алазань, въ которой вода, вслѣдствіе дождей, перепадавшихъ передъ этимъ въ горахъ довольно часто, прибыла очень сильно. Мы выбрали място, гдѣ рѣка разбивается на нѣсколько рукавовъ, въ надеждѣ, что здѣсь ее пере-

ѣхать будетъ легче. Дѣйствительно черезъ первые два мы перебрались безъ затрудненія, но третій оказался гораздо глубже и быстрѣе, чѣмъ мы предполагали. Вода въ немъ была мутна, какъ грязь, и когда мы вѣхали въ середину его, то вокругъ насъ она бушевала съ такою силою, что у меня, несмотря на привычку къ подобнымъ перѣездамъ, закружилась голова, а лошадь моя едва удержалась на ногахъ. Наши проводники также, кажется, немного струсили и нѣсколько разъ кричали мнѣ и моему спутнику, чтобы мы сильнѣе подтагивали повода и не давали лошадямъ смотрѣть на воду. Какъ я ни старался приподнять ноги, но сапоги мои, доходившіе до колѣнъ, всетаки оказались потомъ полными воды.

Внизъ по Алазанской долинѣ мыѣхали до полдня и утомились за это время гораздо сильнѣе, чѣмъ во всѣ предыдущіе дни. Причиной этому была страшная, разслабляющая жара и духота въ воздухѣ этой мѣстности. По всему было замѣтно, что и здѣсь дѣло клонится къ дожду, и потому въ долинѣ, отличающейся вообще жаркимъ лѣтомъ, сдѣлалось жарко и душно въ высшей степени. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ того момента, когда мы доберемся до селенія Штавели, свернемъ въ горы и вступимъ въ прохладные лѣса. Прежде этого, однако, намъ надо было отдохнуть, покормить лошадей и запастись кое-какой провизіей. Мы добрались до рѣчки Штори, перѣѣхали черезъ нее и на одной хорошенѣкѣ полянкѣ сдѣлали привалъ, часа на полтора. Звонкій, скрипучій крикъ цикадъ не умолкалъ вокругъ насъ ни на минуту, но какъ я ни старался поймать хотя одну изъ нихъ, всѣ мои труды пропали даромъ. Только шкурка, сброшенная при линѣкѣ однимъ очень крупнымъ насѣкомъ этого вида, была слабымъ вознагражденіемъ за всѣ мои хлопоты.

Когда мы отдыхали на этой полянкѣ, къ намъ подѣхалъ одинъ грузинъ,ѣбоятно, знакомый нашихъ проводниковъ. Онъ привезъ съ собою тунгу хорошаго вина и не хотѣлъ отстать отъ насъ до тѣхъ поръ, пока все оно не было выпито. Благодатная сторона, подумалъ я. Гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи за такое количество вина, да при томъ, безъ сомнѣнія худшаго качества, надо было бы заплатить нѣсколько рублей, а здѣсь имъ угощаются первого попавшагося.

Послѣ отдыха, въ часъ или два пополудни, мы вступили въ сплошные дѣвственные лѣса долины Штори. Растительность

здесь очень разнообразна и богата. Ясень, кленъ, вязъ (*Ulmus campestris*), грабъ, боярышникъ, а также каштанъ и волошский орехъ встречаются всюду; виноградная лоза въ дикомъ состояніи поднимается на громадныя стольтнія деревья; оплетаетъ ихъ отъ корня до вершины и перебрасывается съ одного дерева-великана на другое. Рядомъ съ нею встречаются чуть не на каждомъ шагу иные выющіяся растенія: плющъ, ломоносъ (*Clematis vitalba*) и еще одна огромная ліана съ листьями, напоминающими листья ясени, и вѣтвями, которая подобно змѣямъ висятъ въ воздухѣ и переплетаютъ вѣтви и стволы почти всѣхъ деревьевъ, какъ въ тропическихъ лѣсахъ. Кромѣ того здесь растетъ много кустарниковъ, напр. сумахъ (*Rhus cotinus*) съ красивыми, розовыми, пушистыми метелками, кизиль, держи-дерево, розы, ожива и т. д. Вообще этотъ лѣсъ такъ густо заплетенъ выющимися растеніями, такъ изобиленъ различного рода колючими кустарниками, что во многихъ мѣстахъ его безъ ножа или топора буквально невозможно сдѣлать ни шагу.

Вхали мы по лѣсу часа четыре. Подъемъ въ началѣ былъ очень пологъ и почти незамѣтенъ, но потомъ тропинка, дѣлая безчисленное множество зигзаговъ, повела на такую крутую гору, что намъ нужно было спѣшиться и вести своихъ лошадей на поводахъ. Часа за полтора до наступленія сумерокъ мы остановились на маленькой изумрудно-зеленой лужайкѣ, гдѣ было достаточно корма для лошадей. Эта лужайка, окруженная со всѣхъ сторонъ дѣственнымъ чинаровымъ лѣсомъ, по моему приблизительному опредѣленію, находилась на высотѣ около 5400 ф. надъ уровнемъ моря и была расположена на гребнѣ, съ которого открывался прекрасный видъ на разстилавшіяся у нашихъ ногъ долины Штори и Алазани. Что касается первой, то ни въ ней самой, ни на окружающихъ ее горахъ не было видно ни одной квадратной сажени, не покрытой лѣсомъ.

Мѣстность вокругъ лужайки имѣла флору, уже совершенно отличную отъ флоры Алазанской долины. Ни винограда, ни ореховъ здесь не было вовсе, а преобладающей лѣсной породой являлся букъ (*Fagus sylvatica*); кромѣ того довольно часто попадался вязъ, рѣже липа и кленъ, а въ одномъ мѣстѣ, вблизи полянки, площадь приблизительно въ четверть десятины заросла одною бузиною (*Sambucus nigra*). Изъ травянистыхъ растеній здесь чаще всего встречаются папоротники (*Pteris aquilina L.* и другіе), кромѣ того на всѣхъ деревьяхъ рас-

теть множество лишайниковъ; между ними прежде всего бро-сается въ глаза *Usnea barbata*, которая на вѣтвахъ полузасох-шихъ буковыхъ деревьевъ висить пасмали въ видѣ гранно-зе-леныхъ бородъ, иногда почти въ сажень длиною.

За все время путешествія по этому лѣсу я не видѣлъ ни одного звѣринаго слѣда и невольно вспоминалъ многія мѣста Кубанской области и Черноморскаго округа, гдѣ въ лѣсу почти на каждой дорожкѣ или тропинкѣ можно встрѣтить слѣды медвѣдей, кабановъ, оленей или козъ, и гдѣ среди дна нерѣдко натыкаешься на этихъ животныхъ. Меня удивило, что въ та-кихъ огромныхъ густыхъ лѣсахъ дичи какъ будто-бы вовсе нѣть и я завелъ разговоръ на эту тему со своими проводниками. Они отвѣчали, что звѣрей здѣсь довольно много, что зимою въ этихъ мѣстахъ часто убиваютъ козъ, оленей, а осенью медвѣдей, но что вблизи дороги, по которой постоянноѣздятъ, они не дер-жутся. Съ объясненіемъ этимъ я однако не могу вполнѣ согла-ситься, такъ какъ знаю, что въ мѣстахъ, очень богатыхъ круп-ной дичью, напр. въ горахъ Майкопскаго и Екатеринодарскаго уѣздовъ, она встрѣчается около самыхъ станицъ и по-селковъ.

Птицъ намъ также попадалось не очень много, въ особен-ности по Штори. Въ Алазанской долинѣ мы видѣли горлицъ, ветютеней, обыкновенныхъ дикихъ голубей (*Columba livia Briss.*), черноголовыхъ соекъ (*Garrulus Krupnickii Kalen.*) и сивоворонокъ (*Coracias garrula*; изъ хищныхъ часто попадались сарычи (*Buteo Menetriesi Bogd.*), пустельги, рѣже черный коршунъ (*Milvus ater Gm.*); попадалось много сорокопутовъ (*Lanius Collurio*), удодовъ (*Upupa epops*), воробьевъ и т. д. Что касается доли-ны Штори, то она имѣла чисто лѣсное пернатое населеніе, состоящее изъ дятловъ (*Picus Poelzami*, *Gecinus viridis* и *Picus martius*), дроздовъ пѣвчихъ и черныхъ (*Merula vulgaris Ray*), нѣсколькихъ видовъ синичекъ, пѣничекъ и т. д. У верхней об-ласти лѣсовъ намъ попадалось также много дроздовъ-дерябъ (*Turdus viscivorus L.*). Пѣніе пѣвчихъ дроздовъ утромъ и вече-ромъ во время нашего пребыванія въ лѣсахъ Штори не прекра-щалось ни на минуту.

Слѣдующему дню суждено было выйти самимъ труднымъ за все время нашего путешествія по этой части Кавказа. Мы должны были подняться на перевалъ Мтиль-гверди, вы-сота которого лишь на 20—30 сажень не достигаетъ 11000

фут. *), при томъ надо было почти все время взбираться на него не верхомъ, а по причинѣ большой крутизны подъема пѣшкомъ; наконецъ, необходимо было еще и спуститься до такихъ мѣсть, гдѣ быль бы кормъ для лошадей и какой-нибудь хворостъ для костра, на которомъ мы могли бы вскипятить воду для чая. Такимъ образомъ намъ нужно было подняться слишкомъ на 5¹/₂, т. футовъ и вновь спуститься почти на столько же. При благопріятной погодѣ, и при томъ для скольконибудь привычного къ путешествіямъ по горамъ человѣка, такой переходъ не только вполнѣ возможенъ, но даже не можетъ счи-таться особенно труднымъ; по этому мы надѣялись совершилъ его болѣе или менѣе легко и быть на мѣстѣ, гдѣ имѣлось бы подъ руками все необходимое, т. е. трава, вода и дрова,— часа въ 4 по полудни; но нашимъ предположеніямъ не суждено было осуществиться, такъ какъ по ту сторону перевала намъ готовился неожиданный и не особенно пріятный сюрпризъ.

Чтобы воспользоваться утреннею порою, когда въ горахъ по преимуществу бываетъ хорошая погода, мы встали очень рано, поскорѣе напились чаю, закусили и еще до восхода солнца двинулись въ путь. Крутая тропинка, усыпанная шиферными обломками, которые изрядно затрудняли ходьбу, тянулась сначала по гѣсу, а потомъ вывела насъ на острый гребень, покрытый зеленою травой; здѣсь лѣса уже не было, и потому открывался прекрасный видъ на окружающую насъ мѣстность. Послѣдняя представляла цѣлую сѣть переплетающихся по всѣмъ направлениямъ глубокихъ долинъ или ущелій; только острый гребень, на которомъ мы находились, да самая вершина хребта Накерала, куда намъ приходилось теперь взбираться, представляли узкія полоски горныхъ луговъ; все же прочее было покрыто сплошными лѣсами.

Когда мы прошли еще съ полверсты, то лѣса остались уже позади насъ, но за то вокругъ насъ явилось цѣлое море рододендроновъ (*Azalea pontica* L.) съ красивыми желтыми цветами. Рядомъ съ ними разстилались горные луга, но далеко не такие пишные и свѣжіе, какъ въ другихъ мѣстахъ Кавказа. Единственной причиной этого надо считать многочисленныя стада

*) Гора Мтидъ-гверди по опредѣленію академика Рупреxта имѣть высоту въ 10960 фут., а перевалъ Мтидъ-гверди очень мало разнится съ нею по высотѣ. Число же 10451 относится, вѣроятно, не къ этому перевалу, а къ Санкинбо-геле, отстоящему отъ Мтидъ-гверди версты на 2¹/₂.

тушинскихъ овецъ, которыхъ изъ года въ годъ выбиваются здѣсь траву. Страннымъ мнѣ показалось полное отсутствіе въ этой мѣстности хвойныхъ деревьевъ и кустарниковъ, которые въ западной и центральной частяхъ Кавказа, у верхней границы лѣсовъ, въ большинствѣ случаевъ такъ сильно преобладаютъ надъ лиственными породами. Ель или пихту здѣсь, конечно, трудно было предполагать встрѣтить, такъ какъ на восточномъ Кавказѣ онъ очень рѣдки; но мы не видѣли въ этой мѣстности даже ни одного кустика можжевельника. Что же касается травянистыхъ растеній, то кромѣ различныхъ альпійскихъ злаковъ здѣсь попадается часто *Veratrum*, незабудки (*Myosotis caespitosa* и *silvatica Hoffm.*), *Alchemilla argentea*, клеверъ, Тагахасиш, конскій щавель (*Rumex crispus*) и т. д. Изъ горныхъ породъ кромѣ темносѣраго аспиднаго сланца намъ не попадалось ничего.

Когда мы поднялись еще выше и были почти на самой вершинѣ горы Ори-цвери, возвышающейся между долинами Штори и Алагани, то нашимъ глазамъ открылся дивный видъ. Разорванные, мрачные зубцы скалъ Главнаго Кавказскаго хребта громоздились одинъ надъ другимъ впереди насъ, а подъ ними тянулись безконечныя осыпи и болѣе или менѣе обширныя снѣжныя поля. Ни кустика, ни дерева между ними нигдѣ нельзя было найти; но совсѣмъ иного рода картины раскидывались вправо и влѣво отъ насъ. Здѣсь тянулись упомянутыя уже выше двѣ глубокія долины, образующія въ своихъ верхнихъ частяхъ множество развѣтвленій. Всѣ онѣ отъ низу и до верху были залиты цѣлымъ моремъ зелени. На красивыя лѣсистыя верховья Штори мы смотрѣли съ птичьяго полета. Оба крошечныя Панкисскія селенія (Верхній и нижній Панкись), расположенные въ верхней части Алазанской долины, представлялись отсюда двумя свѣтлыми пятнышками, окружеными со всѣхъ сторонъ густыми дѣвственными лѣсами; но въ особенности прелестны были верховья Алагани. На днѣ ея ущелья виднѣлся густой темнозеленый лѣсъ, а за нимъ, по другую сторону рѣки, поднимались высокія горы, внизу также покрытыя лѣсомъ, а вверху голыя и скалистыя. На этихъ горахъ повисли огромныя клубы красивыхъ кучевыхъ облаковъ; ярко освѣщенныя лучами солнца они на верхней сторонѣ имѣли осѣннѣтельно бѣлый цвѣтъ и блестѣли, какъ серебро, тогда какъ нижняя сторона ихъ была темная, свинцовосѣрая. Черныя ска-

листая вершины горъ прорѣзывали облака, поднимались надъ ними и ихъ силуэты съ поразительюю отчетливостью обрисовывались на прекрасномъ темноголубомъ небѣ.

Не далеко отъ вершины Ори-цвери, на высотѣ 9000 ф., мы сдѣлали небольшой привалъ. Въ это время наступиль уже девятый часъ утра, погода стояла превосходная, надъ нами было чудное альпійское небо и солнце золотило горы своими безчисленными лучами; но впереди нась на вершинахъ Главнаго хребта уже клубились густыя облака, предвѣщавшія что-то не-доброе. Съ каждой минутой они разростались все больше и больше, такъ что когда мы, отдохнувшіи съ полчаса, снова двинулись въ путь, они успѣли уже скрыть почти всѣ горы, черезъ которыхъ намъ надо было пробираться.

Пройда съ версту отъ мѣста, на которомъ только-что отдахали, мы достигли того пояса горъ, гдѣ висѣли уже на нихъ сѣрыя тучи, а еще нѣсколько минутъ спустя, совершенно погрузились въ нихъ. Зеленые лѣса, безчисленныя ущелья и долины, высокія скалы и вѣчные снѣга, блестѣвшіе вдали, все это изчезло такъ быстро, какъ будто бы ихъ не существовало вовсе. Густой, непроглядный, сѣрый туманъ окуталъ теперь нась со всѣхъ сторонъ и едва позволялъ видѣть другъ-друга да тѣ предметы, которые находились у нашихъ ногъ. Такимъ образомъ началось теперь въ высшей степени непріятное и скучное по причинѣ однообразія путешествіе въ области тумана и обла-вовъ, напоминающее блужданіе въ темную ночь. Идемъ мы такимъ образомъ болѣе часа, совершенно не имѣя понятія о зомъ, чтоб ожидаетъ нась въ 30 или 40 шагахъ впереди; время тянется долго, скучно и однообразно, а тропинка мѣстами дѣлается почти незамѣтною. Въ это время мы легко могли сбиться съ нея и залѣзть въ такія пропасти, откуда трудно было бы и выбраться. Всѣми нами овладѣло болѣе или менѣе мрачное настроеніе; мы ждемъ съ нетерпѣніемъ, чтобы туманъ хотя сколько нибудь разсѣялся, даъ намъ возможность взглянуть па окружающую нась мѣстность и узнать, такимъ образомъ, гдѣ мы находимся. Совершенно голыя скалы, лишенныя всякой жизни осыпи и болѣе или менѣе порядочныя массы снѣга все чаще в чаще попадаются намъ на пути; мы все сильнѣе и сильнѣе чувствуемъ, что вступаемъ въ страну пустынную, дикую, суровую и негостепріимную, а потому желаніе оглядѣться и узнать, чтоб находятся впереди, все настойчивѣе и настойчивѣе

преслѣдуетъ насть. Идемъ мы такимъ образомъ часа полтора, которые показались намъ по крайней мѣрѣ за три, а облака по прежнему продолжаютъ окружать насть со всѣхъ сторонъ. Сознаніе, что только по милости ненавистнаго тумана мы не можемъ любоваться окружающими насъ роскошными картинами альпійскаго міра, дѣлаетъ наше настроеніе еще болѣе мрачнымъ и пасмурнымъ. Но вдругъ начинаемъ мы ощущать какуюто особенную, пріятную, нѣжную теплоту и чувствуемъ, что она доносится къ намъ сверху; кроме того видимъ, что вокругъ насть становится свѣтлѣе, и замѣчаемъ какое-то особенное сияніе или блескъ, усиливающійся по мѣрѣ того, какъ мы подвижаемся все выше и выше. Я догадался, что мы приближаемся къ верхней границѣ облаковъ и вскорѣ должны будемъ увидѣть надъ собою солнце и чистое небо. Дѣйствительно немного времени спустя становится уже совсѣмъ жарко; туманъ, окружающій насть, превращается въ какой-то полупрозрачный газъ или паръ, испускающій остаточный свѣтъ, и сквозь него начинаетъ мало по малу проглядывать солнце.

Когда мы подвижались еще выше, то надъ нами не было уже ни одной тучки, небо имѣло чудный, темносиній цвѣтъ, солнце обливало своими лучами всѣ вершины горъ, а облака очутились уже ниже насть. Бѣлыя какъ снѣгъ и блестящія какъ серебро, они всѣ своей массой напоминали безбрежное море съ безчисленнымъ множествомъ тихо и плавно качающихся закругленныхъ волнъ, которыхъ безпрерывно измѣняли свои очертанія. Алазанская долина, простирающаяся на многіе десятки верстъ, горы и ущелья, находящіяся далеко за нею, словомъ все пространство, которое можно было окинуть взоромъ съ высоты слишкомъ 10 тысячъ футовъ, было затоплено этимъ моремъ облаковъ. Особенно красивы были они въ долинѣ Лопоти, пригона Штори. Издали казалось, что вся эта долина наполнена громадными клубами бѣлаго дыма, которые быстро и непрерывно мѣняютъ свою форму и положеніе, то вытягиваясь вѣрхъ длинными столбами, то раздаваясь въ горизонтальномъ направлении. Смотря издали на эту глубокую долину, можно было подумать, что въ ней происходитъ жаркое сраженіе, что вѣсколько мгновеній тому назадъ былъ сдѣланъ залпъ изъ цѣлой сотни самыхъ большихъ орудій и что огромные клубы густого порохового дыма еще не успѣли разсвѣтиться.

Такъ какъ впереди насть теперь не было уже ни тумана,

ни облаковъ, то мы увидѣли наконецъ и гребень Главнаго хребта, черезъ который намъ надо было перевалиться, чтобы почасть въ Тушетію; до него оставалось, повидимому, не болѣе часа ходьбы. Мы продолжали медленно подвигаться впередъ, почти все время пробираясь по осипямъ; кое-гдѣ, впрочемъ, попадались то снѣгъ, то шиферныя скалы; растительности же не было почти никакой за исключенiemъ лишь самыхъ мелкихъ лишайниковъ, крѣпко приросшихъ къ скаламъ. Такимъ образомъ мы подошли къ самому гребню хребта, но здѣсь надо было повернуть влѣво и пойти вдоль него къ перевалу Мтидльгверди. Желаніе взобраться поскорѣе на самую вершину хребта, заглянуть по ту сторону его—на другую часть свѣта, на неизвѣстныя еще мнѣ страны, наконецъ, на высочайшій въ восточной половинѣ Кавказа и покрытый вѣчными снѣгами Пиритательскій хребеть,—заставило меня уклониться въ сторону отъ тропинки и пролѣтѣть еще сажень 100 на гору по направленію къ вершинѣ хребта.

Къ высокимъ переваламъ я приближался всегда не безъ нѣкотораго волненія; такъ было со мною и въ этотъ разъ. Желаніе взглянуть съ высоты 11000 ф. на невиданную еще картину, и при томъ такую, какую безъ всякаго сомнѣнія рѣдко представляется случай видѣть, было на столько велико, что послѣдніе шаги я дѣлалъ съ лихорадочной поспѣшностью. Для каждого страстнаго путешественника это иначе и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, поднимаясь на высокій переваль всегда очень медленно и долго; по мѣрѣ приближенія къ нему, кругозоръ впереди постепенно все болѣе и болѣе суживается, такъ что при концѣ подъема видишь передъ собой лишь то, что находится подъ ногами, да еще шаговъ на 10 или 15 впередъ, потому что гребень хребта совершенно закрываетъ даль. Но вотъ собираешься сдѣлать послѣдній шагъ, ступить на тотъ самый гребень, который цѣлые дни, иногда даже недѣли, постоянно былъ передъ глазами и ревниво скрывалъ все, что находится за нимъ, и знаешь, что въ этотъ моментъ сразу возникнетъ передъ глазами новый необъятный міръ, съ безчисленнымъ множествомъ горъ, долинъ и ущелій, простирающихся на цѣлыхъ сотни верстъ. Конечно, этотъ послѣдній, такъ долго жданный шагъ невозможно сдѣлать съ обычнымъ спокойствиемъ.

Возвращаюсь, однако, къ самому путешествію. Съ гребня хребта я увидѣлъ картину, описать которую едва ли было-

бы по силамъ самому богатому таланту. Прежде всего взоръ мой былъ привлеченъ Пирительскимъ хребтомъ, гребень которого представлялъ цѣлый рядъ необыкновенно стройныхъ, изящныхъ остроконечныхъ вершинъ, поднимающихся выше всѣхъ окрестныхъ горъ. Снѣговъ на нихъ оказалось однако гораздо меньше, чѣмъ я предполагалъ, но за то снѣжныя, ослѣпительно блѣдныя, блестящія, какъ серебро, нѣжныя, извилистыя ленты наполняли всѣ углубленія склоновъ горъ, свѣшивались далеко внизъ и образовали на темномъ фонѣ скалъ необыкновенно красивую сѣть, напоминающую художественную ажурную работу. Пирительский хребетъ находился отъ насъ теперь верстахъ въ 30, но не смотря на это, я тотчасъ узналъ главная его вершины, известныя мнѣ изъ книгъ и картъ. Въ восточной сторонѣ его была видна высокая гора съ нѣсколькими вершинами, покрытыми сравнительно съ другими частями хребта большимъ количествомъ снѣга. Это Кавалось-мта, своей формой напоминающая отчасти Бештау, но въ нѣсколько разъ превосходящая ее высотою. Къ западу отъ нея хребетъ сразу сильно понижается, а потомъ снова становится выше и образуетъ цѣлый рядъ красивыхъ черныхъ зубцовъ, покрытыхъ кое-гдѣ довольно порядочными снѣжными полями. Еще лѣвѣе поднималась высокая и необыкновенно правильная черная пирамида Большаго Качу (14027 ф.), на которой по причинѣ ея крутизны снѣгъ держится въ очень ограниченномъ количествѣ. Только въ одномъ мѣстѣ онъ спускается въ видѣ узкой длинной полосы довольно низко. Рядомъ съ Большимъ Качу стоитъ похожая на него другая, очень красивая, оструяя и правильная пирамида Малаго Качу. Верхушка ея сплошь покрыта снѣгомъ, который на восточной и западной сторонахъ горы спускается значительно ниже, чѣмъ на южной. Еще лѣвѣе слѣдуетъ новое пониженіе хребта, а за нимъ уже вздымаются высочайшая вершина всей восточной половины Кавказа, простирающейся отъ Казбека до Каспийскаго моря, это Тебулось-мта, достигающая 14781 фута надъ уровнемъ моря. Вершина ея была въ то время въ облакахъ, и потому мы не могли ея видѣть.

Ближе къ намъ, именно между Пирительскимъ и Главнымъ хребтомъ, находится верховье Андійскаго-Койсу, которое вытекаетъ отсюда двумя главными истоками Тушинской и Пирительской Алазанью, не имѣющими однако ничего общаго съ Алазанью южнаго склона. Оба эти истока получаютъ на-

чало въ томъ углу, который образуется пересѣченіемъ Главнаго хребта съ Пиркительскимъ, и питаются такимъ образомъ во-дами, стекающими съ сѣверного склона первого хребта и юж-наго склона второго. Когда мы находились на вершинѣ хребта, то обѣ долины были залиты цѣлымъ моремъ красивыхъ блестя-щихъ облаковъ, освѣщенныхъ сверху яркими лучами альпійска-го солнца. Это волнующееся море, которое начиналось почти отъ самаго гребня Главнаго хребта, ограничивалось съ противоположной, сѣверной стороны, высокой, зубчатой, черной стѣ-ной, разрисованной бѣлыми полосами и лентами вѣчнаго снѣга, т. е. Пиркительскимъ хребтомъ. Со дна этого моря, по самой срединѣ его, поднималась еще цѣль горъ съ черными верши-нами, увѣянчанными лишь небольшими пятнами снѣга. Это цѣль, которая, располагаясь между Пиркительскимъ и Главнымъ хребтомъ, раздѣляетъ долины Тушинской и Пиркительской Ала-зани. Наконецъ на востокѣ виднѣлись еще высокія горы, по-крытыя огромнымъ количествомъ снѣга, именно Богосскій хре-беть, разграничающій въ свою очередь верховья Андійскаго и Аварскаго Койсу. О безчисленномъ множествѣ другихъ горъ, долинъ и ущелій, отстоящихъ на десятки и сотни верстъ, я уже умалчиваю.

Очень довольный тѣмъ, что мнѣ ничто не помѣшало осмо-трѣть отсюда Пиркительскій хребеть и полюбоваться столь чудной картиной, я спустился къ тому мѣсту, гдѣ оставались наши проводники, а затѣмъ вмѣстѣ съ ними направился на за-падъ, вдоль гребня хребта, къ перевалу Мтидѣ-гверди, отсто-ящему отсюда приблизительно на версту. Тропинка здѣсь была очень плоха, едва замѣтна, всюду засыпана обломками аспид-ныхъ шиповъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ терялась совершенно; мѣстность же вокругъ нея имѣла самый пустынный, суровый и непривѣтливый характеръ: здѣсь съ одной стороны вздымались острыя зубчатыя скалы, а съ другой почти отвѣсные обрывы, яроности и крупныя осыпи, покрытыя снѣгомъ. Внизу подъ ни-ми, на страшной глубинѣ, текла Алазань. Это опасное мѣсто пришлося, конечно, пройти пѣшкомъ, но, не смотря на всѣ предосторожности, мы едва не потеряли здѣсь одну изъ нашихъ лошадей. Намъ надо было въ этомъ мѣстѣ перейти черезъ нѣ-сколько снѣжныхъ полей, изъ которыхъ самыя большія дости-гали сажень 100 въ длину и ширину. На одномъ изъ нихъ ло-шадь, шедшая за нашимъ проводникомъ Егоромъ, взятымъ еще

въ Ананурѣ, глубоко провалилась въ снѣгъ; пытаясь выбраться изъ него, она повалилась на бокъ и скатилась внизъ по круто-му снѣжному откосу, за которымъ слѣдоваль еще болѣе крутой уступъ, обрывающійся на цѣлыхъ тысячи футовъ, почти до самаго дна ущелья Алазани. Къ счастью, Егоръ, бросившись за лошадью съ возможной поспѣшностью, успѣль схватить ее за поводъ и помочь ей удержаться на снѣжномъ откосѣ. Нѣсколько минутъ спустя такая-же исторія повторилась съ лошадью, которую вѣль я, но здѣсь снѣжное поле было не такъ круто и потому удержать лошадь на мѣстѣ было гораздо легче.

Замѣчательно тяжелое впечатлѣніе производила эта, хотя и суровая, но необыкновенно величественная природа горъ на нашего проводника Егора, который въ этихъ мѣстахъ никогда не бывалъ и состоялъ теперь при насъ уже не какъ проводникъ, а, такъ сказать, въ должности прислуги. При подъемѣ на перевалъ онъ нѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе, что рѣшился послѣдовать за нами въ такія страшныя грущобы, часто спрашивалъ насъ, почти со слезами на глазахъ, о томъ, какъ долго мы пробудемъ здѣсь и черезъ сколько времени попадемъ снова въ нѣжно любимый имъ Анануръ, а на окружающіе насъ снѣга, скалы и осыпи смотрѣлъ со страхомъ и отвращенiemъ. Онъ много разъ твердилъ намъ, что зачѣмъ воровъ и разбойниковъ отправляютъ въ Сибирь, что ихъ надо ссылать сюда, потому что здѣсь настоящая Сибирь и каторга. Все это онъ говорилъ съ такою искренностью, съ такимъ неподдельнымъ чувствомъ, что намъ не на шутку стало жаль его, но помочь горю было невозможно. Я удивлялся тому, на сколько различно можетъ быть впечатлѣніе, производимое однимъ и тѣмъ-же предметомъ на разныхъ лицѣ: то, что меня такъ привлекало и чѣмъ я съ такимъ наслажденiemъ любовался, это-же на Егора производило самое удручающее впечатлѣніе.

Приблизительно въ полдень взобрались мы наконецъ на перевалъ Мтиль-гверди, достигающей высоты около 11000 ф. *) Съ него намъ снова открылась та дивная картина, о которой я только что говорилъ, но за то теперь ближайшія къ перевалу мѣста, черезъ которыхъ пролегалъ нашъ путь, производили

*) Гора Мтиль-гверди имѣть по опредѣленію Рупрехта высоту въ 10960 ф. (Bavom. Höhenbestimm., Mem. de l'Acad. de S. Pet., T. VII, № 1); на пятиверстной картѣ Кавказа высота ея обозначена въ 10939 ф.; перевалъ-же весьма немного уступаетъ ей по высотѣ.

на насъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, на южномъ склонѣ, обращенномъ къ Штори и Алагани, снѣга было такъ мало, что мы, пройдя около десятка снѣжныхъ полей, въ общей сложности сдѣлали по снѣгу немного болѣе полуверсты; здѣсь-же, т. е. по другую сторону перевала, начиная отъ самого гребня его, тянулись большія фирновыя поля, при томъ страшно крутыя и обрывистыя. Одно изъ нихъ, имѣющее около $\frac{1}{4}$ версты въ длину, начиналось отъ самого перевала. По крутому спѣжному откосу вдоль правой стороны этого поля надо было намъ теперь пробираться. За первымъ, самымъ большими фирмовыми полемъ лежало на нашемъ-же пути еще нѣсколько меньшихъ.

Самое верхнее поле занимало огромную подковообразную котловину, съ востока и запада окаймленную скалами, на которыхъ снѣгъ лежалъ лишь отдельными пятнами и полосами; съ южной-же стороны, обращенной къ намъ, эта котловина была завалена сплошь снѣгомъ. Черезъ него тянулась едва замѣтная тропинка, по сторонамъ которой валялось болѣе полусотни обглоданныхъ труповъ и скелетовъ козъ и овецъ, а также ихъ шерсть, рога и содержимое кишечка или желудка. Ясно было, что они погибли здѣсь вслѣдствіе какого-нибудь несчастнаго случая. Эта картина неестественной смерти многихъ животныхъ, а также разсказы нашего проводника, тушина Михако, объ опасностяхъ перевала Мтидъ-гверди, произвели не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе на наши нервы. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ перевалъ замѣчательнъ по очень частымъ несчастіямъ, которые случались здѣсь съ людьми и животными во время мятелей или частыхъ снѣжныхъ и каменныхъ заваловъ. Двѣ подобныя печальные исторіи случились здѣсь очень недавно, и при томъ въ теченіе одного мѣсяца. Недѣли за четыре до нашего перехода черезъ этотъ переваль, т. е. въ концѣ мая, на немъ погибло, по словамъ Михако, во время сильной мятели, стадо овецъ въ нѣсколько сотъ штукъ. Множество скелетовъ и обглоданныхъ труповъ, только что видѣнныхъ нами на снѣгу, самымъ краснорѣчивымъ образомъ подтвердило это сообщеніе. Изъ этого-же источника мы узнали, что въ маѣ здѣсь произошло еще болѣе крупное несчастіе, именно—заваломъ изъ снѣга и камней засыпало 6 человѣкъ, вмѣстѣ съ 3 ослами и двумя собаками. Три изуродованныхъ трупа тушины удалось отыскать, а прочіе три продолжали лежать подъ огромными вучами камня, щебня и

снѣга и тогда, когда мы проходили здѣсь. Въ прежнія времена тоже рѣдко проходилъ годъ, чтобы не случилось 2—3 подобныхъ несчастья на этомъ перевалѣ.

Гребень хребта на Мтидъ-гверди и около него состоять изъ тѣхъ-же горныхъ породъ, какія мы встрѣчали раньше, при подъемѣ на него, т. е. изъ темносѣрого аспиднаго сланца; только здѣсь въ немъ очень часто попадались прослойки бѣлаго кварца. Нерѣдко встрѣчались также куски сланца, въ которыхъ кварцъ и шиферъ были перемѣшаны почти въ одинаковой пропорціи.

Отдохнувъ на перевалѣ съ четверть часа, мы начали по снѣгу спускаться внизъ. Пробираться надо было съ большой осторожностью и ступая стараться какъ можно глубже продаливать ногою довольно твердый снѣгъ, чтобы не поскользнуться и не скатиться съ крутаго снѣжнаго откоса, который тянулся вѣво отъ дороги на протяженіи сажень ста. Сами мы прошли это мѣсто вполнѣ благополучно, но одна изъ нашихъ лошадей опять глубоко завязла въ снѣгу и, желая высвободиться изъ него, упала, а затѣмъ, лежа на боку, покатилась внизъ ко дну котловины, занятой снѣжнымъ полемъ. Вытянувъ ноги и шею, несчастное животное съ каждой секундой неслось все быстрѣе и быстрѣе и мы съ нѣмыми ужасомъ слѣдили за нимъ глазами и видали, какъ оно нѣсколько разъ налетало на острые, торчащіе изъ снѣга камни, перекидывалось черезъ нихъ и всетаки не могло остановиться до тѣхъ поръ, пока не скатилось на самое дно котловины, пролетѣвъ такимъ образомъ не менѣе 200 шаговъ. Лошадь эта принадлежала Егору, и онъ, конечно, больше чѣмъ кто-либо изъ насъ пожалѣлъ бѣдное животное. Отъ испуга и боли лошадь въ первый моментъ не рѣшилась даже попытаться встать на ноги, и минуты двѣ или три лежала совершенно неподвижно.

Сдѣлавъ порядочный обходъ, мы со страхомъ начали приблизяться къ ней и были убѣждены, что найдемъ ее страшно искалеченной, со множествомъ ранъ и непремѣнно со сломанными или вывихнутыми ногами; но къ нашему великому удивленію и вмѣстѣ съ тѣмъ радости, раны лошади оказались совсѣмъ не серьезными и ограничивались лишь нѣсколькими, правда довольно большими и глубокими, порѣзами ногъ. Испугъ ея однако былъ настолько великъ, что она даже въ то время, когда мы уже успѣли подойти, продолжала дрожать, какъ въ ли-

хорадкѣ. Вскорѣ однако она оправилась; мы дали ей успокоитель-
са, потомъ переложили вьюкъ ея на другихъ лошадей, перевя-
зали нѣкоторыя изъ ея раны и двинулись дальше. Бѣдная ло-
шадь пошла довольно бодро, но слегка прихрамывала и оста-
вляла на снѣгу кровавый слѣдъ. Мы всѣ удивлялись, какъ сча-
стливо ей обошлось это паденіе.

Послѣ того какъ первое, и въ то же время самое большое, снѣжное поле было нами пройдено, дорога продолжала идти круто внизъ. Она пересѣкала еще нѣсколько меньшихъ снѣж-
ныхъ полей и, кромѣ того, сугробы грязнаго, но очень плот-
наго снѣга, который, очевидно, скатился сюда въ видѣ лавинъ
зимою или весною съ сосѣднихъ горъ. По словамъ Михако, въ
нѣкоторые годы всѣ эти снѣга, въ томъ числѣ и самое боль-
шое поле, начинающееся отъ гребня хребта, стаяваются совер-
шенно, и тогда изъ Тушетіи въ Кахетію можно пройти, почти
нигдѣ не ступивши на снѣгъ. Теперь-же его лежало такъ мно-
го, во первыхъ, по той причинѣ, что лѣто еще недавно нача-
лось и, слѣдовательно, мало снѣга успѣло къ этому времени
стать, а во вторыхъ его и накопилось здѣсь больше обычно-
веннаго въ предшествующую этому лѣту суровую и снѣжную
зиму.

Съ боковъ тропинки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны бы-
ли болѣе или менѣе высокіе валы или гряды, по своей формѣ
и положенію сильно напоминающіе древнія морены. Вѣроятно
эти образованія дѣйствительно принадлежать къ мореннымъ, но
на такомъ крутомъ склонѣ, гдѣ при томъ выпадаетъ ежегодно
много осадковъ въ видѣ снѣга и дождя, древнія морены не
могли хорошо сохраниться и удержать свой характерный видъ,
поэтому узнать ихъ безъ болѣе или менѣе тщательнаго исслѣ-
дованія было довольно трудно; но судя по тѣмъ слѣдамъ, ко-
торые оставлены ледниками, какъ мы увидимъ вскорѣ, въ со-
сѣдней долинѣ Ори-Цхали, есть полное основаніе предполагать,
что эти образованія принадлежать къ мореннымъ.

Когда мы спустились съ перевала тысячи на двѣ футовъ,
и царство вѣчной зимы осталось позади насъ, то усталость на-
чала уже давать себя чувствовать. Въ это время было около
трехъ часовъ по полудни, и, принимая во вниманіе то обсто-
ятельство, что мы отъ самаго разсвѣта шли почти не останав-
ливаясь, я стала уже подумывать, какъ бы намъ скорѣе спус-
титься еще немного ниже и сдѣлать привалъ до слѣдующаго

утра, въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ по близости воды и лѣса. Въ это время вокругъ насть разстилались тощіе луга, покрытые травкой, недавно еще пробившійся изъ земли; къ ней примѣшивалось довольно много крошечныхъ весеннихъ цвѣточковъ, только-что начинавшихъ распускаться, какъ слукается обыкновенно ранней весной; по внизу, верстахъ въ трехъ отъ насть, густая зелень уже сплошнымъ покровомъ одѣвала почти всѣ склоны горъ. Туда были направлены теперь всѣ наши помыслы.

Довольно долго шли мы внизъ все по такимъ-же мѣстамъ, и мечты о скромъ и столь пріятномъ для всѣхъ отдыхѣ ни на минуту не оставляли насть. Михако крутко поворачиваеть вправо и начинаетъ снова подниматься на страшно высокую гору.

На мой вопросъ,—зачѣмъ это дѣлается, онъ отвѣчаетъ, что мы не можемъ попасть въ Тушетію иначе, какъ перебравшись еще черезъ другой переваль, очень крутой, скалистый, покрытый большимъ количествомъ снѣга и почти такой-же высокий, какъ Мтидъ-гверди. На пятиверстной карте Кавказа онъ названъ Сакинбо-геле и имѣеть 10451 ф. высоты.

Такая новость насть просто поразила. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ ужаса подумать, что намъ, утомленнымъ физически и нравственно, снова надо карабкаться въ теченіи пѣсколькихъ часовъ на крутую гору, перебираться черезъ небезопасныя скалы, снѣга и, можетъ быть, пропасти, а затѣмъ снова спускаться на цѣлыхъ тысячи футовъ, прежде, чѣмъ найти подходящее для ночлега мѣсто. Наконецъ, мы не могли быть увѣрены, что будемъ въ состояніи пройти всѣ эти мѣста за свѣтло, и что намъ не придется ночевать гдѣ-нибудь на снѣгу или на голыхъ скалахъ безъ воды и безъ огня. По словамъ Михако, намъ надо было употребить на подъемъ часа два, но эти два тушинскихъ часа, навѣрно, оказались бы равными 3 или 4 нашимъ и, сверхъ того, безъ сомнѣнія, еще часа два потребовалось бы на спускъ. Такимъ образомъ, намъ усталымъ и голоднымъ снова предстояло карабкаться по труднымъ и небезопаснымъ мѣстамъ часовъ 5 или 6. Конечно оѣздѣ верхомъ здѣсь нечего было и думать. Принимая все это во вниманіе, я рѣшилъ отложить до слѣдующаго дня переходъ черезъ этотъ хребетъ и ночевать гдѣнибудь по близости, въ этой же долинѣ, только спустившись немножко ниже.

Какъ мы не старались найти сколько нибудь ровное мѣстечко, на которомъ можно было бы поудобнѣе улечься и за-

снуть, все наши труды оказались безуспешными, потому что кроме овраговъ, балокъ, крутыхъ косогоровъ и камней здѣсь ничего не оказалось. Съ этимъ, впрочемъ, неудобствомъ мы примирились легко; но крайне непрѣятно было то, что нигдѣ по близости не попадалось лѣса, и мы послѣ столь долгихъ и утомительныхъ странствованій по горамъ не могли даже напиться чаю, не могли въ должной мѣрѣ утолить сильныйшую жажду, вызванную продолжительнымъ и труднымъ переходомъ. Наконецъ обнаружилось еще одно непрѣятное обстоятельство: было очень холодно, дулъ сильный вѣтеръ, на горахъ начали склоняться тучи, предвѣщавшія дождь, и намъ, за неимѣніемъ лѣса, нельзя было добыть колъ для палатки и разбить ее. Такимъ образомъ положеніе наше во всѣхъ отношеніяхъ оказалось очень плохимъ и все наши мечты о томъ, съ какимъ удовольствиемъ мы напьемся чаю, закусимъ и какъ сладко заснемъ послѣ столь длиннаго путешествія черезъ горы, разбились въ прахъ. Въ одинъ, впрочемъ, отношеніи судьба надѣя нами какъ будто бы склонилась: напрѣкъ незамѣнныій Михаил спустился внизъ, отыскавъ где-то кусты рододендроновъ, наломалъ ихъ цѣлую вязанку и притащилъ къ намъ. Такимъ образомъ въ отношеніи чая мы были обеспечены, но о палаткѣ нечего было и думать. Съ рододендронами однако пришлось повозиться не мало. Отъ частыхъ дождей они были сыры, горѣли очень плохо и мы едва вскипятили на нихъ одинъ чайникъ воды, который все-таки доставилъ намъ настоащее наслажденіе.

Въ сумерки уже мы улеглись спать. Ночь была холодная и темная; а вѣтеръ, который дулъ еще съ вечера, теперь очень усилился и насквозь продувалъ бурку, замѣнявшую мнѣ и палатку и одѣяло. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ ночью полилъ еще дождь, продолжавшійся часа 2 или 3. Подъ настѣ подтекала вода, и мы, при 2 или 3 градусахъ тепла, мокли и снизу и сверху.

II.

Утро подъ переваломъ Саклибо-геле. Подъемъ на перевалъ и спускъ съ него. Долина Ори-дхали. Обилие снѣговъ и скѣды древнихъ ледниковъ. Дорога въ Тушетію. Ауль Весто-мта и стоянка около него. Животные и растенія. Горы надъ Тушинской Алазанью и спускъ съ нихъ. Селеніе Бочори. Горы между Тушинской и Пирикительской Алазанью. Видъ на Казбель-мта и сосѣднія съ нимъ вершины. Ауль Дартло. Погодка къ лед-

никамъ Кавалось-мта. Дорога вверхъ по Пиркительской Алазани. Животные, водящіяся въ ней. Гора Малый Качу. Рѣчка Наровани. Стоянка въ верховыхъ ея.

Передъ свѣтомъ мы прозябли на столько сильно, что по неволѣ должны были встать очень рано, т. е. тогда, когда только-что начала на востокѣ заниматься заря. Всюду вокругъ насы было мокро, темно и холодно, и всѣ мы чувствовали себя далеко не хорошо. Особенно несчастнымъ въ это время выглядалъ напрь Егоръ, все одѣніе которого состояло изъ черкески да бурки средняго качества. Чтобы согрѣться, мы рѣшили поскорѣе укладывать вещи, сѣдлать лошадей и двигаться въ путь. На наше счастье всѣ тучи разсѣялись, и надо было ожидать хорошей погоды. Въ 5 часовъ утра мы уже тронулись; солнце въ это время взошло, но высокій хребеть, поднимающійся съ восточной стороны, надолго скрылъ насы отъ его лучей; по этому вокругъ насы было по прежнему холодно и сырьо.

Подъемъ на перевалъ оказался очень крутымъ, и намъ пришлось не болѣе десятой части его проѣхать на лошадяхъ, все же остальное пространство мы должны были пройти пѣшкомъ. Пробираться пришлось то по снѣгу, то по осыпямъ или скаламъ, и не смотря на то, что за ночь наши ноги успѣли порядочно отдохнуть, мы всетаки были принуждены карабкаться на эту гору слишкомъ два часа; вчера же, безъ предварительного отдыха, намъ необходимо было бы употребить на этотъ подъемъ, дѣйствительно, не менѣе четырехъ часовъ. Такимъ образомъ мы поступили вполнѣ благоразумно, избравъ мѣсто для ночлега передъ этимъ переваломъ.

Перевалъ Сакинбо-геле только на 500 ф. ниже Мтильгверди и представляетъ неглубокую сѣдовину въ скалистомъ-гребниѣ, состоящемъ все изъ того же аспиднаго сланца. По ту и по другую сторону перевала тянутся порядочные снѣжныя поля, на немъ же снѣгъ не держится вовсе; вѣроятно его сдуваетъ вѣтеръ. Съ этого перевала мы въ третій разъ увидѣли ту чудную картину, которой дважды любовались вчера.

За переваломъ слѣдуетъ безконечно длинный спускъ, ведущій наконецъ уже въ самую Тушетію. Вначалѣ тропинка тянется то по снѣгу, то по осыпямъ и скаламъ, а потомъ переходитъ на склоны, покрытые мѣлкой тощей и приземистой травкой, перемѣщанной съ крошечными цвѣтами. Не болѣе вершка длиною, прекраснаго синаго цвѣта генцданы (*Gentiana rугенайса*).

прежде всего обращаютъ на себя вниманіе; рядомъ съ ними растутъ врошечныя незабудки (*Myosotis silvatica* Hoffm.), колокольчики (*Campanula Adamii*), камнеломки (*Saxifraga levis*, *S. exarata*), *Gnaphalium*, *Draba rigida* W., *Cerastium* и чаше, всего, *Trifolium ambiguum* M. B.

Этотъ спускъ приводитъ наконецъ къ рѣчкѣ Ори-цхали; но здѣсь, за самомъ днѣ болѣе или менѣе глубокой долины ея, снова начинаются снѣга, и мы снова должны идти по нимъ не менѣе версты. Они съ обѣихъ сторонъ окружены зелеными склонами и представляютъ собою ничто иное, какъ остатки множества лавинъ, скатившихся зимою или весною на дно долины Ори-цхали. Эти снѣга такъ сильно завалили долину, что рѣчка даже лѣтомъ на протаженіи цѣлыхъ верстъ течетъ подъ ними и только въ очень немногихъ мѣстахъ пробивается изъ подъ нихъ на свѣтъ. Вода въ Ори-цхали чиста, прозрачна и имѣть прекрасный синевелый оттѣнокъ, течетъ она очень быстро, и тамъ, гдѣ снѣга кончаются совершенно, представляеть безконечную серию красивѣйшихъ водопадовъ.

Долина Ори-цхали замѣчательна еще по тѣмъ слѣдамъ, которые оставилъ здѣсь ледниковый періодъ. На правой сторонѣ рѣчки, у самой тропинки, ведущей внизъ, во многихъ мѣстахъ торчать изъ земли скалы, состоящія изъ очень твердаго аспиднаго сланца, и на некоторыхъ изъ нихъ видны ясные слѣды ледниковыхъ царапинъ. Большая часть такихъ скалъ расположена по правую сторону долины, у самой дорожки. Царашинны, находящіяся на нихъ, представляютъ цѣлую систему параллельныхъ линій, длиною сажени въ 2. Нѣкоторыя изъ такихъ скалъ имѣютъ слаженные и исчерченныя ледниками поверхности въ нѣсколько квадратныхъ сажень. На высотѣ 600—700 футовъ надъ тропинкой также находятся сошлифованныя скалы; они показываютъ, что леднишъ, существовавшій здѣсь въ прежнія времена, достигалъ очень большихъ размѣровъ и толщина его была никакъ не менѣе 100 сажень. Явственныхъ моренъ вблизи этихъ мѣстъ незамѣтно, но и здѣсь, на очень крутыхъ склонахъ, имъ трудно было упирѣтъ въ теченіе многихъ вѣковъ, протекшихъ послѣ ледникового періода.

Долина Ори-цхали въ этихъ мѣстахъ совершенно безлѣсна; даже хорошихъ луговъ въ ней нѣтъ. Извѣстниковые мы встрѣтили здѣсь, и то лишь въ одномъ мѣстѣ, таволгу (*Spiraea crenata* L.), которая въ другихъ ущельяхъ Кавказа принад-

лежить къ самыиъ обыкновеннымъ растеніямъ. Значительно ниже, на высотахъ отъ 5¹/₂, до 6¹/₂, тысячъ футовъ, по Ори-цхали, лѣса занимаютъ уже довольно большія пространства.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Ори-цхали впадаетъ съ лѣвой стороны небольшая рѣчка, на высотѣ около 6¹/₂, тысячъ футовъ, мы сдѣлали часа на 2 привалъ, а потомъ пошли дальше. Тутъ снова пришлось намъ взбираться на очень крутую гору, подняться не менѣе какъ футовъ на тысячу и затѣмъ тотчасъ же снова начать спускаться. Дороги въ этой части Кавказа могутъ привести путешественника въ крайнее раздраженіе. Онъ вовсе не похожи на дороги Кубанской или Терской областей, гдѣ приходится щѣхать по долинамъ рѣкъ прѣлье дни и не встрѣтить иногда ни одного большаго и крутаго подъема или спуска; здѣсь же по нѣсколько разъ въ день приходится подниматься на очень высокія и крутые горы, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ снова начать спускаться. Если бы не вещи, и въ томъ числѣ теплое платье, безъ котораго путешествовать въ такихъ мѣстахъ невозможно, то здѣсь не стоило бы даже нанимать лошадей, такъ какъ въ нѣкоторые дни путешественнику щѣхть на нихъ почти не приходится.

На всемъ протяженіи послѣднаго подъема и спуска растительность была очень бѣдна. Въ одномъ только мѣстѣ мы встрѣтили нѣсколько штуки *Spiraea crenata*, а другикъ кустарниковъ или деревьевъ не видѣли вовсе; почва же здѣсь была болѣе или менѣе тощая, глинистая и образовалась безъ сомнѣнія путемъ разрушенія все того же аспиднаго сланца.

Спустившись съ горы, мы попали въ долину другой рѣчки, также впадающей въ Ори-цхали съ лѣвой стороны. Её нашъ Михако называлъ Весто-мта-цхали. Мы остановились на правомъ берегу ея и такъ какъ передъ этимъ въ теченіе пяти дней шли форсированнымъ шагомъ, то рѣшили здѣсь сдѣлать привалъ, приблизительно на сутки.

Долина Весто-мта-цхали въ этомъ мѣстѣ тянется почти прямо отъ востока на западъ. Она, какъ и большая часть долинъ Тушетіи, имѣетъ небогатую растительность и потому-болѣе или менѣе унылый видъ. Причиной этого надо считать конечно большое количество скота, а въ особенности овецъ, разводимыхъ Тунинами. Горы, окружающія эту долину, почти вовсе лишены скалъ, въ особенности съ лѣвой стороны, гдѣ на нихъ виднѣется много узкихъ полосокъ хлѣбныхъ полей, а кое-

гдѣ и небольшія березовыя заросли. Въ одномъ только мѣстѣ красуется здѣсь маленькая сосновая рощица; вдали же, на востокѣ видно значительно большее количество лѣса, который разстѣть частью по склонамъ этой же долины, а частью по Ори-цхали. Изъ травянистыхъ растеній, кромѣ различного рода злаковъ, здѣсь чаще всего попадается обыкновенная гентіана (*Gentiana vernia*), конский щавель (*Rumex crispus*), чемерица (*Vegeratum album*), царскій скопетръ (*Verbascum*), розовая ромашка (*Pyrethrum roseum*), незабудки (*Myosotis silvatica*), клеверъ (*Trifolium pratense* и *Tg. alpestre*), *Cucubalus*, *Geranium pratense*, *Polygonum bistorta*, нѣсколько видовъ *Veronica*, *Alchemilla vulgaris*, очень красива и пышная *Betonica grandiflora* и т. д. Птицами долина Весто-мта-цхали также не богата. Даже самыхъ обыкновенныхъ горныхъ птицъ, альпійскихъ воронъ и галокъ (*Fregilus graculus* и *Pyrrophocorax alpinus*) мы видели здѣсь очень мало; попадались красногрудый воробей (*Fringilla erythrina*), горная овсанка (*Emberiza cia*), дроздъ-дераба (*Turdus viscivorus*), саричи (*Buteo Menetriesi Bogd.*) и крошечный, съ гранатово-красными лбомъ, королевский выюрокъ (*Metoponias pusilla Pall.*). Изъ насѣкомыхъ больше всего попадалось жужелицъ изъ рода *Plectes*, которая лѣзли въ нашу палатку, въ особенности вечеромъ, чуть не десятками. На лѣвой сторонѣ рѣки, по склону, обращенному къ солнцу, растительность была нѣсколько богаче. Здѣсь часто попадались *Cynoglossum*, *Borago*, *Scrophularia*, а изъ деревьевъ береза, верба и рабина. Что касается хвойныхъ растеній, то мы встрѣтили здѣсь только ячмень и рожь.

Противъ насъ, на лѣвой сторонѣ рѣчки, было расположено нѣсколько маленькихъ тушинскихъ поселковъ. Одинъ изъ нихъ состоять всего изъ трехъ хижинъ, другой изъ четырехъ, и, наконецъ, еще два, именно Весто и Весто-мта, изъ 12 или 13 хижинъ каждый. Всѣ они расположены по склону горы на пространствѣ приблизительно квадратной версты.

На стоянкѣ противъ этихъ крошечныхъ ауловъ мы перевочевали, а на слѣдующій день, часовъ въ 12, хотя бы было бы дальше, но дождь, продолжавшійся до самаго вечера, заставилъ насъ остаться здѣсь до слѣдующаго утра.

Дальнѣйшій нашъ путь проходилъ мимо Весто, по направлению къ Тушинской Алазани. Переѣхавъ черезъ Весто-мта-цхали, мы въ теченіе приблизительно получаса поднимались, по лѣвому склону долины едва на невысокій хребеть, находящійся ме-

жду Тушинской Алазанью и Весто-мта-цхали. Гребень этого хребта очень широкъ, сильно притупленъ и покрытъ густой, но низкой травкой. Здѣсь въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ долго стояли лагеремъ русскія войска, защищавшія Тушетію отъ нападеній Шамиля. Не смотря на полъ-сотни лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, слѣды лагеря, въ видѣ множества четырехъ-угольныхъ валиковъ, окружавшихъ когда-то палатки, сохранились до сихъ порь прекрасно.

Проѣхавъ по гребню нѣсколько десятковъ сажень, мы начали спускаться въ глубокую долину Тушинской Алазани. Этотъ склонъ очень крутъ, обращенъ къ сѣверу, всегда болѣе или менѣе влаженъ, и потому покрытъ довольно порядочными лѣсомъ. Большия сосны, достигающія обхватата въ толщину, расстутъ на немъ въ довольно значительномъ количествѣ; кроме того здѣсь много березъ, попадается можжевельникъ (*Iuniperus communis* L.), смородина и красный, съ крупными, розовыми цветами шиповникъ; въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили здѣсь не-большую грушу красивыхъ осинъ. Травянистый *Hegascleum villosum* достигаетъ тутъ размѣровъ цѣлаго дерева. Съ этого склона долины Тушинской Алазани хорошо виденъ и противоположный ему, обращенный на югъ. Лѣса на немъ вѣтъ, а расстутъ, и при томъ только въ немногихъ мѣстахъ, отдаленно стоящія сосенки, въ видѣ кустиковъ, не болѣе сажени высотою, да березки, за то всѣ болѣе или менѣе пологія мѣста его испещрены узкими полосками хлѣбныхъ полей.

Переѣхавъ по мосту черезъ Тушинскую Алазань, которая представляетъ здѣсь довольно большую рѣчку, текущую въ глубокихъ берегахъ, мы направились по дорогѣ, ведущей къ аулу Бочорма, и не доехавъ до него приблизительно съ $\frac{1}{2}$, версты, остановились на полчаса на маленькой, ровной и красивой лужайкѣ. Съ нея открывается прекрасный видъ на долину Ори-цхали, въ особенности на верховья ея, представляющія цѣлую систему развѣтвленій, получающихъ начало частично на Главномъ хребтѣ, частично на его отрогахъ. Многія изъ этихъ второстепенныхъ долинъ покрыты березовыми лѣсами; черезъ нихъ въ видѣ длинныхъ, узкихъ лентъ, идущихъ сверху внизъ, тянутся сосновыя насажденія, которыхъ высотою деревьевъ и своимъ темновеленнымъ цветомъ рѣзко выступаютъ надъ свѣтлой зеленою березъ и придаютъ склонамъ горъ очень красивый и оригинальный видъ. Съ этой же лужайки открывается прекрас-

ная картина на очень высокий, покрытый большим количеством снѣга и кроме того ледниками Богосскій хребетъ, возвышающійся къ востоку отъ Тушетіи.

Бочорма была первымъ сколько-нибудь значительнымъ ауломъ, попавшимся намъ на пути. Онъ состоять изъ нѣсколькоихъ десятковъ дворовъ, имѣть лавочку, въ которой торгуетъ разными мелочными и бакалейными товарами грузинъ изъ Кахетіи, въ немъ же живеть и серебрякъ, обдѣлывающій въ серебро оружіе и изготавляющій серебряные пражки, пуговицы и прочія вещи для поясовъ, узечекъ, сѣдель и т. д. Лавочка, могущая считаться для Тушетіи нѣкоторымъ образомъ роскошью; намъ очень пригодилась, такъ какъ нашъ сахаръ и спички приходили къ концу, а между тѣмъ мы должны были пробыть въ горахъ Тушетіи еще около недѣли.

За Бочорма дорога пересѣкаеть нѣсколько балокъ и, постепенно поднимаясь, выходитъ наконецъ на самый гребень хребта, отдѣлающаго двѣ главнѣйшия долины Тушетіи, именно долину Тушинской и Пирикительской Алазани. Первая лежить между Главнымъ хребтомъ и тѣмъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, а вторая между этимъ послѣднимъ и Пирикительскимъ. Такъ какъ Пирикительский хребетъ поднимается значительно выше лежащей противъ него части Главнаго и покрыть гораздо большимъ количествомъ зѣчныхъ снѣговъ, то и Пирикительская Алазань является болѣе многоводной рѣчкой, чѣмъ Тушинская.

Хребетъ, на которомъ мы теперь находились, былъ уже отчасти знакомъ мнѣ. Это тогъ самый, который представлялся намъ съ Мтиль-гверди въ видѣ ряда зубцовъ, торчащихъ надъ поверхностью облачного моря, затоплявшаго тогда всѣ долины Тушетіи.

Теперь на немъ не было ни одного облачка и съ него открывался прекрасный видъ на Пирикительский хребетъ, отстоающій отъ насъ въ настоящій моментъ уже не на 30 верстъ, какъ прежде, а всего лишь на 8 или 9. Всѣ вершины его, снѣжные поля, глетчеры и вытекающія изъ нихъ рѣчки были видны, какъ на ладони. Глубоко внизу, въ огромномъ ущельѣ, видѣлась Пирикительская Алазань. На берегу ея какъ разъ противъ насъ располагался аулъ Чиго, а значительно дальше и немножко лѣвѣ поднималась высокая гора, покрытая огромными снѣжными полями. Это Квавлосъ-мта, имѣющая 13423 ф. въ

высоту. Ея широкая зубчатая вершина способствует обильному накоплению снѣга, котораго на этой горѣ въ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ на любой изъ сосѣднихъ съ нею вершинъ, превосходящихъ даже ее своею высотою. На Кававлость-мта, какъ мы увидимъ, существуютъ даже глетчеры. Лѣвѣе этой горы видны другія вершины хребта, о которыхъ говорилось уже раньше, а правѣе аула Чиго тянется долина рѣчки, вытекающей со снѣговъ Кававлость-и Донось-мта (13736 ф.). Въ верховыхъ своихъ эта рѣчка раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ потоковъ, получающихъ начало на фирновыхъ поляхъ упомянутыхъ горъ. Ледниковъ здѣсь не видно, да, вѣроятно, ихъ и нѣть вовсе, или, быть можетъ существуютъ только маленькия фирнъ-глетчеры. Долина этой рѣчки съ обѣихъ сторонъ окружена высокими крутыми черными скалами, но на нихъ снѣга нѣть совершенно.

Спускъ съ хребта, по которому мы должны были прорѣзаться къ Пирительской Алазани, очень крутъ, кромѣ того каменистъ, а мѣстами очень грязенъ. Почти весь его намъ также пришлось пройти пѣшкомъ. Въ нижней части онъ былъ заваленъ огромной снѣжной лавиной, которая, поваливши множество деревьевъ, скатилась почти до самаго дна долины Пирительской Алазани противъ аула Дартло. На большей части протяженія этотъ спускъ тянулся по лѣсу и подъ конецъ былъ такъ крутъ, что по нему не легко было даже свести лошадей.

Спустившись съ горы и пройдя еще нѣсколько десятковъ сажень по ровной почти мѣстности, мы добрались до моста чрезъ II. Алазань и по немъ перешли на другую сторону ея. Эта рѣчка имѣть здѣсь шаговъ 20 или 30 въ ширину и очень быстро течетъ въ глубокомъ руслѣ. Переѣхавъ еще черезъ небольшую, но также очень быструю рѣчку, Кававлость-цхали, мы попали въ селеніе Дартло и въ немъ рѣшили переюочевать съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день рано утромъ отправиться къ ледникамъ Кававлость-мта. Для ночлега мы выбрали небольшую, но довольно ровную лужайку передъ самымъ селеніемъ и на ней разбили свою палатку. Спусти нѣсколько минутъ послѣ нашего приѣзда, къ намъ пришелъ священникъ этого селенія, человѣкъ высокаго роста, съ пріятнымъ выразительнымъ лицомъ и большой сѣдой бородой. Къ сожалѣнію онъ не зналъ ни слова по русски; и мы не могли съ нимъ ни о чѣмъ побесѣдоватъ.

Селеніе Дартло расположено на лѣвомъ берегу Пирит-

тельской Алазани въ полуверстѣ отъ нея, на высотѣ 6060 ф. надъ ур. моря. Съ восточной стороны его протекаетъ Кавалось-цхали, впадающая въ Алазань и получающая начало изъ ледниковъ Кавалось-мта. Она несетъ холодную мутную воду. Все селеніе состоять изъ полусотни хатъ, сложенныхъ какъ и всѣ тушинскія постройки, безъ всякаго цемента изъ асфидныхъ плинтъ. Передъ селеніемъ находится красивая площадка, покрытая густымъ приземистымъ клеверомъ (*Trifolium ambiguum* M. B.); она служить выгономъ для небольшаго числа коровъ, телятъ или лошадей, лѣтомъ случайно попадающихъ въ селеніе; на сѣверъ-же отъ этого послѣдняго тянутся крутые откосы, которые по мѣрѣ удаленія отъ дна долины поднимаются все выше и выше, доходи такимъ образомъ до самыхъ снѣговъ Кавалось-мта. Съ южной стороны, по другую сторону Алазани, возвышается крутая гора, покрытая на большей части своего про-таженія лѣсомъ. Въ немъ, какъ замѣтилъ Г. Радде, встрѣчаются растенія, принадлежащія сѣверу Европы, напр. водяница (*Empetrum nigrum*), черника (*Vaccinium myrtillus*) и брусника (*Vacc. Vitis Idea*) и т. д. Около Дартло разбросано много известковыхъ глыбъ, относящихся къ позднѣйшимъ геологическимъ образованіямъ и напоминающихъ плотный известковый туфъ; на горѣ-же съ сѣверной стороны виднѣется не мало луговъ и хлѣбныхъ полей. Въ одномъ мѣстѣ, среди нихъ, на страшно крутомъ выступѣ находится живописная группа домиковъ, составляющихъ крошечный ауль Коло.

Я забылъ сказать еще о старинныхъ башняхъ этой мѣстности. Въ Дартло ихъ 3, при чмъ одна уже на половину разрушена. Кроме того 3 башни находятся вблизи дороги, ведущей въ Дартло съ востока, т. е. со стороны Дагестана. Очевидно, они должны были препятствовать вторженію въ Дартло непропоненныхъ гостей. Сооруженіе этихъ башенъ относится къ давнимъ временамъ, но и въ дни владычества Шамиля онѣ, вѣроятно, также играли видную роль въ дѣлѣ обороны. Всѣ эти башни очень высоки и имѣютъ по 5 этажей. Еще болѣе высокая, въ 6 этажей, башня находится въ Коло. Стоя на высокой горѣ, надъ самой кручей, снизу она кажется еще выше, чѣмъ въ действительности, и, вѣроятно, въ прежнія времена производила впечатлѣніе на враговъ Тушетіи. Въ Дартло также находится разрушенная христіанская церковь. Отъ нея уцѣлѣли лишь три стѣны, которыхъ сложены не изъ плинтъ

шифера, какъ всѣ хаты, а изъ известняка, добытаго около самого селенія.

Долина П. Алазани вообще довольно узка, а на юго-востокѣ отъ Дартло въ особенности. Здѣсь между горами, идущими по ту и другую сторону рѣчки остается лишь узкій просвѣтъ въ видѣ воротъ, служащихъ какъ бы для соединенія Тушетіи со всѣмъ остальнымъ міромъ. Необыкновенно красивымъ показался онъ намъ вечеромъ, съ часъ спустя послѣ захода солнца, когда въ немъ всплыла почти полная луна и своимъ магическимъ блескомъ освѣтила одинъ изъ склоновъ горъ, тогда какъ на другихъ продолжала лежать глубокая тѣнь.

Въ Дартло я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно фауны Тушетіи. Изъ разсказовъ нѣсколькихъ охотниковъ я узналъ, что здѣсь не встрѣчается ни кабановъ, ни оленей; истреблены также медвѣди, которые въ такомъ изобилии встрѣчаются повсемѣстно въ горахъ Кавказа. Даже туры (Capra Pallasii Rouill.), постоянно преслѣдуемые тушинскими пастухами —охотниками, забились въ такія трущобы, куда человѣкъ почти не можетъ забраться. Только ночью они спускаются болѣе или менѣе низко. Значительно чаще встрѣчается другой видъ козловъ, именно черный или лѣсной козель (Hircus Aegagrus Gm.), который, живя часто не на открытыхъ мѣстахъ, а въ лѣсахъ, растущихъ по скаламъ, легче укрывается отъ преслѣдованія охотниковъ. Черные козлы встрѣчаются даже недалеко отъ Дартло, на горахъ съ правой стороны П. Алазани. Тонкіе, длинные и очень красивые рога этого козла я купилъ за 2 рубля у одного изъ здѣшнихъ немвродовъ и видѣлъ у него-же рога Capra Pallasii. Hircus Aegagrus по словамъ всѣхъ здѣшнихъ охотниковъ чаще встрѣчается въ горахъ на востокѣ отъ Дартло, гдѣ больше лѣсовъ; туровъ-же сравнительно много на Тебулось-мта и въ особенности на чеченской сторонѣ Пирительского хребта, принадлежащей впрочемъ уже не Тушетіи.

На слѣдующій день, рано утромъ, мы, взявъ съ собою проводника изъ мѣстныхъ жителей, отправились къ Кавалось-мта. Дорожка шла здѣсь круто на гору между хлѣбными полями и лугами, потомъ мимо аула Коло, а за нимъ сворачивала вправо, снова внизъ и дальше уже извивалась вдоль лѣваго берега Кавалось-цхали. Эта рѣчка имѣть верстъ 8 въ длину, и мы на путешествіе отъ аула Дартло до истоковъ ея употребили

ровно два часа, при чём около половины этого пространства прошли пешкомъ.

Не добравь версты полторы до ледникъ, мы оставили за одной изъ лужаекъ своихъ лошадей и дальше отправились пешкомъ. Здесь долина Кавлость-щали сильно разширяется и образуетъ почти круглую волюшину, а сама рѣчка разбивается на нѣсколько отдельныхъ потоковъ. Ея русло, берега и вся съёдніе склоны горъ завалены обломками темносѣрого аспиднаго сланца, къ которымъ изрядка примѣшиваются и другие минералы, какъ напр. кварцъ. Растительность здѣсь становится уже очень бѣдной: между камнями тамъ и сямъ виднѣются бѣлые цѣточки роговика (*Cerastium Kasbek. Part.*), камнеломокъ (*Saxifraga levis, S. exarata, S. sibirica*), *Gnaphalium dioicum*, *Lamium tomentosum W.*, крошечная *Draba rigida W.* и т. д. но за то чудная, чисто альпійская картина открывалась намъ впереди. Вся широкая многораздѣльная зубчатая вершина, или правильнѣе гребень, Кавлость-мта, огромныя сѣжныя поля, какихъ нѣть ни на одной изъ вершинъ Тушетіи, за исключениемъ, можетъ быть, Тебулось-мта, 4 болѣе или менѣе значительные ледника, начинающіеся на сѣжныхъ поляхъ горы и спускающіеся къ верховьямъ Кавлость-щали, множество трещинъ и пропастей, бороздящихъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ, причудливыя черныя скалы, торчащи изъ снѣга даже на самой вершинѣ горы, и мрачные утесы, окружающіе вѣчные снѣга и ледники съ нижней стороны. Все это, благодаря прекрасной погодѣ и прозрачному горному воздуху, было видно съ поразительной отчетливостью.

Вершина Кавлость-мта довольно сильно отличается отъ вершинъ большей части высокихъ Кавказскихъ горъ и представляетъ собою цѣлую систему болѣе или менѣе остроконечныхъ зубцовъ, то черныхъ скалистыхъ, то заваленныхъ снѣгомъ. Всѣ вмѣстѣ они образуютъ огромную подковообразную арку или циркъ, очень благопріятный для нахожденія большаго количества снѣговъ и возникновенія значительныхъ глетчеровъ. Если бы такая высокая и при томъ съ подобной вершиной гора находилась въ западной части Кавказа, то на ней существовалъ бы непремѣнно огромный ледникъ; но на Пирикительскомъ хребтѣ, гдѣ атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ гораздо менѣе, дѣло ограничились лишь образованіемъ 4 болѣе или менѣе значительныхъ фирнъ-глетчеровъ.

Выдающимися изъ снѣга гребнями скаль фирновый поля, находящіяся на сѣв. склонѣ горы, раздѣляются на меньшіе цирки, и каждый изъ нихъ даетъ начало отдѣльному фірнѣглетчеру. Если бы эти послѣдніе спускались значительно ниже, то должны были бы внизу соединиться вмѣстѣ и образовать одинъ болѣе или менѣе значительный глетчеръ; но они всего лишь футовъ на 500 или 600 переходятъ за сиѣжную линію. Толщина ледяного пласта здѣсь, какъ кажется, тоже не особенно велика. Г. Радде называетъ ледники Кавалось-мта мощными глетчераами. Это совершенно вѣрно по отношенію къ Пиркительскому хребту, вообще бѣдному ледниками; но въ сравненіи съ глетчераами центральной части Кавказа они вовсе не велики. Три изъ нихъ хорошо видны снизу, четвертый-же, лежащий восточнѣе прочихъ, отчасти скрывается за выдающимися мысомъ скалы. Всѣ эти глетчера тянутся почти съ с. на ю. Только самый восточный въ нижней своей части замѣтно отклоняется къ западу. Вода Кавалось-цхали, въ самыхъ истокахъ ея, очень мутна, но не настолько, какъ въ тѣхъ рѣчкахъ, которыхъ вытекаютъ изъ большихъ глетчеровъ.

Явственныхъ древнихъ моренъ вблизи ледниковъ Кавалось-мта я не замѣтилъ, но за остатки ихъ могутъ быть приняты многія нагроможденія, въ видѣ бугровъ и валовъ, лежащихъ на склонахъ долины Кавалось-цхали. Безъ сомнѣнія во времена ледникового периода здѣшніе ледники спускались гораздо дальше и внизу соединялись въ одно глетчериное поле, но ихъ морены уже успѣли смыться водою. Не видно здѣсь также ни курчавыхъ скалъ, ни такъ-называемыхъ бараныхъ лбовъ, ни ледниковыхъ царапинъ; но ихъ отсутствіе безъ сомнѣнія надо приписать геологическому характеру склоновъ долины, состоящихъ исключительно изъ аспиднаго сланца, не отличающагося твердостью и не могущаго по этой причинѣ сохранить на своей поверхности въ теченіи многихъ вѣковъ какихъ-либо слѣдовъ царапинъ, полировку и т. д. Г. Радде указываетъ впрочемъ на одинъ огромный эратический валунъ со слѣдами царапинъ, который онъ нашелъ въ долинѣ Кавалось-цхали значительно ниже конца ледника *).

По кучамъ аспидныхъ плитъ и по осипямъ мы поднялись до высоты 10300 ф., откуда всѣ ледники южнаго склона Кавалось-мта были видны прекрасно, а дальше уже не пошли. Око-

*) Хевсурія и Хевсурьи. Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ. Т. XI, стр. 284.

нечности ледниковъ были выше насыть еще футовъ на 400, т. е. приблизительно на высотѣ 10700 ф. надъ ур. моря *)

Во второмъ или третьемъ часу дня мы возвратились въ Дартло. Здѣсь мы едва могли достать, за деньги, конечно, курицу, да фунтовъ 5 хлѣба, а одинъ изъ нашихъ проводниковъ получилъ еще въ подарокъ кусокъ сырой баранины. Съ этимъ скучнымъ запасомъ провизіи, половина которого съѣдена еще въ Дартло, намъ надо было двигаться въ путь, вверхъ по Пирингительской Алазани.

Выступили мы часа въ 4 пополудни, т. е. часа два или три спустя послѣ возвращенія изъ поѣздки къ ледникамъ Кавалость-мта. Дорога наша теперь тянулась по лѣвой оторонѣ П. Алазани, пересѣкала сначала двѣ небольшія рѣчки и потомъ болѣе или менѣе значительную Дано-цхали, отстоящую версты на двѣ отъ селенія Дано. На верховьяхъ этой рѣчки видны очень высокія черныя скалы, покрытыя однако лишь небольшими снѣжными полями. Ничего похожаго на глетчеры здѣсь не видно, да и вода въ рѣчкѣ не на столько мутна, чтобы можно было предполагать существованіе сколько нибудь значительныхъ глетчеровъ въ верховьяхъ ея.

Верстахъ въ 3 за Дано-цхали мы перѣѣхали еще довольно большую быструю рѣчку, впадающую въ П. Алазань съ лѣвой же стороны. Одни изъ Тушинъ называли ее Комитось-цхали, а другіе Чешо-цхали. По словамъ тѣхъ и другихъ въ верховьяхъ ея, гдѣ она разбивается на много отдѣльныхъ ручьевъ, есть несолько фирнъ-глетчеровъ, но меньшихъ еще, чѣмъ на Кавалость-мта.

Чтобы хотя издали взглянуть на верховья этой рѣчки, имѣющей въ длину всего верстъ 7—8, я оставилъ своихъ спутниковъ внизу и отправился вверхъ по долинѣ ея. Пройдя такимъ образомъ некоторое разстояніе, я увидѣлъ, что вправо отъ истоковъ Чешо поднимается высокая остроконечная черная вершина Большаго Качу, влѣво отъ котораго горы сильно понижаются, а потомъ снова повышаются; при этомъ можно было замѣтить что на Б. Качу снѣговъ очень мало, снѣжныхъ полей даже не видно вовсе, а есть только снѣжные пятна, полосы и ленты, лежащія въ углубленіи скаль. Что касается собственно

*) Радде опредѣляетъ эту высоту 10600 ф., но это было 15 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ этотъ ледникъ, подобно почти всѣмъ Кавказскимъ,ѣдакъ успѣлъ уже замѣтно отступить.

долины Чешо-цхали, то она очень глубока, узка и имѣть крутые боковые склоны и лишь при началѣ покрыта небольшими рощицами изъ мелкихъ березокъ и сосенъ; дальше же въ ней видны только луга, осыпи и скалы.

Возвратившись къ своимъ спутникамъ и перебравшись вмѣстѣ съ ними еще черезъ одну, среднихъ размѣровъ, горную рѣчку, а потомъ проѣхавъ селеніе Чешо, мы послѣ заката солнца остановились для ночлега на прекрасной лужайкѣ вблизи другого селенія—Парсмы. Вечеръ былъ довольно теплый, тихій, а небо и горы совершенно свободны отъ облаковъ; словомъ, все предвѣщало хорошую погоду въ слѣдующіе дни. Къ сожалѣнію и въ Парсмѣ мы кромѣ десятка яицъ не могли достать ничего съѣстного. Странно, что нигдѣ въ Тушетіи не удалось намъ купить даже сыру, котораго тушины, занятые почти исключительно скотоводствомъ, приготовляютъ очень много.

Маленькое селеніе Царсма расположено на лѣвомъ берегу П. Алазани, на высотѣ около 6600 ф. надъ ур. моря. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ каменныхъ хатъ и, благодаря множеству поднимающихся между ними высокихъ четырехъ-угольныхъ старинныхъ башенъ, издали обращаетъ на себѣ вниманіе каждого, поѣтившаго его окрестности.

Переноочевавъ на открытомъ воздухѣ вблизи Царсмы, мы на слѣдующій день двинулись въ дальнѣйшій путь вверхъ по П. Алазани. Верстахъ въ 4 отъ Парсмы эта рѣчка составляетъ изъ двухъ отдѣльныхъ: собственно П. Алазани и Наровани. Первая получаетъ начало изъ Тебулось-мта и кромѣ того изъ отрога, соединяющаго Главный Кавказскій хребеть съ Циркительскимъ, вторая же частью изъ только что упомянутаго отрога, а частью изъ хребта, который отдѣляетъ долину Наровани отъ долины Тушинской Алазани. По величинѣ обѣ эти рѣчки другъ отъ друга почти не разнятся, сливаются же онѣ на высотѣ приблизительно футовъ 7000 надъ ур. моря.

Циркительская Алазань, какъ и оба ея истока, имѣеть очень быстрое теченіе вслѣдствіе огромнаго уклона ея русла. Въ самомъ дѣлѣ разстояніе напр. отъ Парсмы до Дартло по прямой линіи всего верстъ 7, а по теченію рѣки, вѣроятно, 10 или 11, и на этомъ пространствѣ рѣка падаетъ почти на 500 ф. (высота ея у Парсмы 6532 ф. а у Дартло около 6060 ф.), т. е. футовъ 45—50 на версту. Долина П. Алазани почти вѣдь болѣе или менѣе тѣсна и узка. Съ правой стороны ея возв-

вышается уже известный намъ хребетъ, отдѣляющій эту долину оть Тушинской Алазани. Хотя въкоторыя вершины его поднимаются болѣе чѣмъ до 10000 (вершина около перевала Сапхенисъ-геле имѣть высоту 10452 ф., а Магротелисъ-и-та 10148 ф. *), но снѣгу на немъ въ лѣтнее время бываетъ очень мало; поэтому съ него въ П. Алазань не течеть ни одной сколько-нибудь значительной рѣчки. На оборотъ, съ Пирительского хребта, вершины котораго поднимаются до 13 и даже 14 тысячъ футовъ и покрыты гораздо большимъ количествомъ снѣга, стекаетъ въ Алазань около десятка, хотя и короткихъ, но очень быстрыхъ и многоводныхъ рѣчекъ. Къ числу ихъ принадлежать уже упомянутыя много Квавлости-цхали, Дано-цхали и т. д. Правый склонъ долины П. Алазань почти на всемъ ея протяженіи поднимается гораздо круче и является поэтому болѣе короткимъ, чѣмъ лѣвый, принадлежащій Пирительскому хребту. Это также должно считать одной изъ причинъ, препятствующихъ существованію на немъ сколько-нибудь значительной рѣчки. Лѣсами эта долина вообще бѣдна, и встрѣчаются они почти исключительно на крутомъ, обращенномъ къ сѣверу, правомъ склонѣ ея. Нужно впрочемъ замѣтить, что долина Алазань лежитъ очень высоко и что даже самое дно ея только вблизи ея слиянія съ долиною Тушинской Алазани, спускается ниже 5 $\frac{1}{2}$, тысячъ футовъ; на всемъ же пространствѣ оть Дартло до Чонтию, самого верхняго селенія, расположеннаго на высотѣ слишкомъ 7600 ф., въ этой долинѣ нѣть ни одного пункта, расположеннаго ниже 6000 ф. надъ уровнемъ моря.

Принимая во вниманіе, что верхняя граница произрастанія березы, всего менѣе чувствительного къ холоду дерева, определенная для этой мѣстности академикомъ Рупrechtомъ, совпадаетъ съ высотою въ 8400 ф., мы увидимъ, что значительная часть горъ Тушетіи окажется выше границы произрастанія большей части лиственныхъ породъ деревьевъ. Букъ, напр., который рѣдко гдѣ поднимается на Кавказѣ выше 5 $\frac{1}{2}$, тысячъ футовъ, здѣсь вовсе не могъ бы рости; тоже можно сказать про дубъ, ясень и многія другія деревья. По Наровани лѣса даже вовсе нѣтъ, и только кустарники, которые, конечно, поднимаются выше деревьевъ. Изъ нихъ *Rhododendron caucasicum* во опредѣленію Радде распространяется въ горахъ Тушетіи до

*) На пятиверстной карте Кавказа ее называли „Макротельтан“.

высоты 10000 ф. *). Наибольшее количество лесовъ встрѣчается въ Тушетіи въ долинѣ Ори-щали и сосѣднихъ съ нею рѣчекъ. Здѣсь, какъ уже было сказано, встрѣчаются и сосны довольно порядочныхъ размѣровъ.

Что касается птицъ, то ихъ въ долинѣ Пиринтельской Алазани намъ попадалось немного. На берегахъ ручьевъ и рѣчекъ я видѣлъ нѣсколько разъ олянку (*Cinclus aquaticus*, желтыхъ плюсокъ (*Motacilla sulphurea*), на скалахъ и старыхъ башняхъ много дикихъ голубей (*Columba livia L.*), черногрудость (*Ruticilla phoenicurus* и *R. Thitys*), а также нѣсколько видовъ чекановъ, на лугахъ попадались горные овсанки (*Emberiza cia*), луговые чеканы (*Pratincola rubetra*) и т. д. Альпійскія вороньи и галки (*Fregilus graculus* и *Ruppelioscorax alpinus*) встрѣчаются въ Тушетіи очень часто; тоже можно сказать про бѣлоголоваго дрозда, котораго мы часто вслухивали изъ густыхъ бурьянниковъ *Caltha palustris*, конскаго щавеля (*Rumex crispus*) и прикрыта (*Aconitum*), растущихъ по берегамъ горныхъ рѣчекъ. Наконецъ горная индѣйка (*Megaloperdix caucasicus*) и горная курочка (*Perdix Chucar Gray*) также встрѣчаются здѣсь довольно часто. Что касается минераловъ и горныхъ породъ, то здѣсь мы не видѣли ничего кромѣ сѣраго глинистаго сланца, который вообще распространенъ во всей этой мѣстности въ огромномъ количествѣ.

Въ полуверстѣ отъ Парсы въ П. Алазань впадаетъ довольно порядочная рѣчка. На пятиверстной карте Кавказа она не названа никакъ, Радде называетъ ее Базо-щали (около нея стоитъ небольшой ауль Базо), мѣстные же жители называли мнѣ ее Хачось-щали. Вытекаетъ она изъ Малаго Качу, которыи у Тушинъ носитъ название Хачось-та;ѣ, вѣроятно, название „Качу“, встрѣчающееся какъ на картахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о Кавказѣ, есть неправильно переданное Хачось. Рѣчка Хачось-щали меныше, чѣмъ Доно и Базо и несеть еще болѣе чистую воду, указывающую на отсутствіе въ ея верховьяхъ большихъ ледниковъ. Послѣднее, впрочемъ, подтверждается и рассказами мѣстныхъ жителей.

Ущелье Хачось-щали очень круто и скалисто; такимъ характеромъ отличается и входъ, ведущій въ него съ долины П. Алазани. Въ верхней части оно замыкается высокой остроко-

*) Хевсурія и Хевсурьи, стр. 19.

нечной горой, у которой только самый шпиль покрытъ почти сплошнымъ снѣгомъ. Это все толькъ же Качу или Хачось-мта. Его я замѣтилъ еще съ перевала Мтидъ-гверди и мнѣ казалось, что онъ своей высотою превосходилъ всѣ вершины Пирикитель-скаго хребта, которыя были тогда передъ нашими глазами. На картахъ Кавказа Большой Качу обозначенъ верстъ на 6 восточнѣе этой вершины, она же названа просто „Качу“. Въ отличие отъ Большого Качу ее можно бы наименовать Малымъ Качу (или Малымъ Хачось-мта). Такъ поступилъ Г. Радде. Высота ея, какъ кажется, еще не определена, но судя по тому, какой она представляется издали, ее повидимому правильнѣе было бы назвать Большимъ Качу. Съ вершинъ Главнаго хребта замѣтно также, что на вершинѣ ея и снѣгу больше, чѣмъ на Большомъ Качу. Вообще это самая стройная, красивая и изящная изъ вершинъ Тушинскихъ альпъ. Своей остроконечной вершиной, окруженнай почти отвѣсными скалами, она напоминаетъ Маттеръ-горнъ Швейцаріи и подобно ему, вѣроятно, долго будетъ считаться недосягаемой. Особенно красивъ ея лѣвый, самый высокій зубецъ, имѣющій высоту по всей вѣроятности не менѣе 14000 ф. (высота Большого Качу 14027 ф.) и покрытый сплошнымъ блестящимъ, ослыпительно бѣлымъ снѣгомъ, изъ котораго только въ одномъ мѣстѣ выступаетъ узкая полоска черныхъ скалъ, идущихъ сверху внизъ по южной сторонѣ горы. Несколько ниже черныхъ скалъ, торчащія изъ снѣга, попадаютъ уже чаще. Съ перевала Мтидъ-гверди эта вершина кажется еще острѣе и, кроме того, на восточной сторонѣ ея виднѣется маленькое фирновое поле, а на западной довольно пологой скатъ въ видѣ котловины, также наполненной снѣгомъ. Вообще сплошной снѣгъ лежить только на самой вершинѣ этой горы и занимаетъ очень ограниченное протяженіе, а ниже его тянутся лишь узкия снѣжныя полоски. Вследствіе отсутствія большихъ фирновыхъ полей здѣсь не можетъ быть и сколько-нибудь значительныхъ глетчеровъ. Конечно, я говорю только о принадлежащемъ Тушетіи южномъ склонѣ горы; съвернаго же склона Пирикитель-скаго хребта, обращенного къ Чечнѣ, я не видѣлъ. Рядомъ съ М. Качу стоять острия, какъ пика, очень высокая черная гора, на которой, не смотря на ея огромную высоту, снѣгъ образуетъ лишь 3 или 4 маленькихъ пятнышка, а къ западу отъ нея, по направлению къ горѣ Кериго, хребетъ сильно понижается и совершенно лишается снѣжного покрова. Здѣсь черезъ

нега проходитъ тропинка въ Чечню, къ верховьямъ Аргуна. Такимъ образомъ вся осмотрѣнная нами часть Тушинскихъ альпъ, за исключеніемъ Кавлосъ-мта, очень бѣдна снѣжными полями и вовсе лишена ледниковъ первого разряда, всегда болѣе или менѣе глубоко спускающихся въ долины.

Верстахъ въ 6-ти оть Парсмы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются оба истока П. Алазани, мы перѣхали черезъ Пиркитель-цахали, вступили въ узкое скалистое ущелье Наровани и отправились вверхъ по лѣвой сторонѣ ея. Мы рѣшили въ верховьяхъ этой рѣчки перевалиться черезъ горы, отдѣляющія ее оть Тушинской Алазани, перейти эту послѣднюю и потомъ, вблизи г. Борбalo, перебраться на южный склонъ его, въ долину Пшавской Арагвы, черезъ Главный хребетъ и спуститься. Такимъ образомъ въ теченіи дня намъ предстояло совершить одинъ за другимъ два, болѣе или менѣе трудныхъ перехода черезъ хребты, высотою въ 10 или 11 тысячъ футовъ, при чемъ на одномъ изъ нихъ оказалось, какъ мы увидимъ вскорѣ, большое количество снѣга.

Направляясь къ верховьямъ Наровани, мы попали въ небольшое селеніе Эго и, проѣзжая мимо одного изъ дворовъ, увидали порядочную кучку людей. Когда мы поравнялись съ нею, то изъ нея вышелъ къ намъ на встрѣчу одинъ молодой тушинъ, попросивъ насъ остановиться, началъ довольно горячо рассказывать что-то нашимъ проводникамъ. Сначала мы не понимали, въ чемъ дѣло, но потомъ Егоръ объяснилъ намъ, что это хозяинъ дома, около котораго мы стоимъ, и что онъ просить насъ зайти къ нему на поминки его брата, умершаго ровно годъ тому назадъ. При этомъ Егоръ добавилъ, что у тушинъ существуетъ обычай, приглашать на поминки каждого, кто проѣзжаетъ или проходитъ мимо дома, гдѣ они совершаются, и что мы обидимъ этого тушина, если не захотимъ зайти къ нему. Съ одной стороны не имѣя ни малѣйшаго желанія, дѣлать что-либо непріятное незнакомому намъ человѣку, а съ другой разсчитывая на то, что онъ угостить насъ хотя сыромъ (кромѣ черстваго хлѣба у насъ ничего теперь уже не было), мы охотно приняли его предложеніе. Накормилъ онъ насъ, какъ оказалось, гораздо лучше, чѣмъ мы ожидали: намъ былъ поданъ довольно вкусный хлѣбъ, прекрасный тушинскій сыръ и кахетинское вино, за которымъ братъ покойника нарочноѣздилъ въ Кахетію. Онъ не отпустилъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы вчетверомъ не выпили цѣлой тунги этого вина. Такимъ образомъ мы

выѣхали изъ Эго въ болѣе или менѣе веселомъ настроеніи.

Менѣе чѣмъ черезъ $\frac{1}{4}$ часа мы спустились къ Наровани и должны были перейхать въ бродъ. Съ громкимъ шумомъ несется она въ глубокомъ, заваленномъ камнями русль, имѣть довольно порядочные размѣры и очень внушительный видъ. Воды въ ней было много, а потому перейздь черезъ нее было до нѣкоторой степени рискованнымъ; но такъ какъ мостовъ по этой рѣчкѣ не существуетъ вовсе, а наша дорога тянулась дальше по другой сторонѣ ущелья, то перейхать ее надо было во чтобы то ни стало. Когда мы вѣхали въ грязную, мутную воду, то она пѣнилась и бушевала вокругъ насъ съ такой страшной силой, что лошади едва могли держаться на ногахъ. Чтобы легче было бороться съ быстрымъ теченіемъ, мы старались держаться наискось, внизъ по рѣкѣ, и вздохнули свободно только тогда, когда наши лошади ступили уже на противоположный берегъ ея.

Выше этого перейзда долина или, правильнѣе сказать, ущелье Наровани сдѣлалось страшно тѣснымъ и скалистымъ. Узенькая, во многихъ мѣстахъ едва замѣтная тропинка извидалась все время по страшно крутымъ откосамъ правой стороны ущелья, при чѣмъ съ одной стороны ея поднимался чуть не отвѣсный уступъ, а съ другой до самой рѣчки обрывалась круча, не менѣе какъ въ 500—600 футовъ. Въ этомъ мѣстѣ достаточно было бы человѣку или лошади сдѣлать одинъ певѣрный шагъ и ступить мимо тропинки, чтобы скатиться на самое дно ущелья, прямо въ рѣчу. Бѣхать здѣсь было опасно и мы рѣшили идти пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока не кончится этотъ крутой откосъ. Тропинка, извивающаяся вдоль него, была неудобна еще и тѣмъ, что нѣсколько разъ то поднималась на высокую гору, то спускалась почти къ самой рѣчкѣ. Почва и здѣсь была глинистая, а растительность очень бѣдная.

Пропутешествовавши по такимъ мѣстамъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, мы только передъ заходомъ солнца добрались наконецъ до верховьевъ Наровани. Здѣсь характеръ мѣстности сталъ совершенно инымъ. Долина разширилась, скалы и кручи исчезли, рѣка освободилась отъ окружающихъ ее крутыхъ береговъ и разбилась на множество отдѣльныхъ потоковъ, которые образовали красивую сѣть на широкомъ, просторномъ дѣлѣ долины. Здѣсь же появилось довольно много зелени, въ видѣ рододендроновъ съ бѣлыми цветами и разнообразныхъ гор-

ныхъ травъ и цвѣтовъ; болѣе всего, однако, и въ этомъ мѣстѣ росло мелкаго густого клевера (*Trifolium ambiguum* M. B.), который образовалъ сплошной дернъ, покрывающій большую часть склоновъ горъ. Только на вершинахъ ихъ виднѣлись скалы, а впереди насъ, кромѣ того, громадныя массы снѣговъ. Черезъ нихъ лежала наша путь въ долину Тушинской Алазани.

Для ночлега нами была выбрана прекрасная лужайка, недалеко отъ одного изъ истоковъ Наровани, на высотѣ почти 500 ф. Мѣстность вокругъ насъ была въ высшей степени живописна. Всюду разстилались зеленые луга, пересѣченные то группами скаль, то горными потоками, вдали виднѣлись красивыя горы, также зеленые и покрытыя травой, а надъ ними болѣе или менѣе крутые утесы. Въ некоторыхъ мѣстахъ рядомъ съ ними лежали еще, какъ уже было сказано, огромныя массы снѣга. Погода стояла прекрасная. Чистое небо имѣло густой темносиний цвѣтъ и на горахъ не было видно ни одного облачка. Опечалило насъ, и то лишь на время, одно только обстоятельство, именно полное отсутствіе деревьевъ и кустарниковъ въ этой части долины и, съдовательно, невозможность добыть дровъ для приготовленія чая; но Михако и здѣсь выручилъ насъ изъ бѣды, отправившись довольно далеко внизъ по долинѣ и притащивъ оттуда большую охапку сухихъ рододендроновъ. Можна было, впрочемъ, пожалѣть еще и о томъ, что было довольно холодно, а именно вскорѣ послѣ захода солнца термометръ показывалъ всего лишь 5° тепла.

На завтрашній день намъ предстояло снова не мало потрудиться. Прекрасная погода, стоявшая въ это время въ горахъ, подавала, правда, надежды совершить болѣе или менѣе свободно въ теченіе длиннаго юнѣскаго дня два перехода черезъ высокіе хребты, покрытые во многихъ мѣстахъ даже снѣгомъ, но, не смотря на это, надо было дорожить временемъ и не тратить его непроизводительно. Чтобы утромъ не возиться долго съ укладкой вещей и выступить пораньше, мы даже не разбивали палатки, съ вечера уложили въ сумки все, что можно было, и какъ только стемнѣло, улеглись спать подъ открытымъ небомъ.

III

Верховье Наровани. Обиліе снѣговъ. Переездъ къ Тушинской Алазани. Древнія морены. Восхожденіе на Главный хребеть. Верховья Кахе-

тиской Алагани. Тропинка по гребню Главного хребта и по склону Малого Борбalo. Видъ на верховья Аргуна. Стоянка въ верховыхъ Пшавской Арагвы, спускъ въ долину ея. Отсутствіе дороги. Долина Пшавской Арагвы. Капище Лашарисъ-джвари. Поездка къ верховьямъ Йоры. Селенія Аргани и Капари. Путешествіе отъ Капари въ долину Арагвы.

На слѣдующій день мы поднялись очень рано и въ половинѣ пятаго утра уже тронулись со своей стоянки. Наша тропинка шла вначалѣ съ боку рѣчки, которая имѣеть здѣсь отъ 15 до 20 шаговъ въ ширину, при глубинѣ около $\frac{3}{4}$ аршина, и течеть подобно тому, какъ большая часть горныхъ рѣчекъ, вблизи ихъ верховьевъ, очень быстро.

Едва успѣли мы отѣхать отъ стоянки версты полторы, какъ рѣчка исчезла изъ вида, скрывшись подъ громадными сугробами снѣга. Такимъ образомъ она текла подъ ними на протяженіи верстъ двухъ. По сторонамъ ея, въ этихъ мѣстахъ разстилаются сплошные горные луга, поднимающіеся на многія сотни футовъ выше уровня рѣки; это показываетъ, что снѣгъ, завалившій русло ея, скатился сюда весною или зимою съ сѣдніхъ горъ въ видѣ лавинъ. Такое предположеніе подтверждается съ одной стороны сильной сплоchenостью этого снѣга, а съ другой существованіемъ по обѣимъ сторонамъ рѣки длинныхъ, довольно крутыхъ, гладкихъ склоновъ, съ которыхъ неизбѣжно должны зимою скатываться лавины.

Цо сугробамъ снѣга, завалившимъ рѣку, тянетъ довольно проторенная тропинка, по которой тушины въ этомъ году, вѣроятно, уже не разъ гоняли своихъ овецъ въ горы. По ней пришлось отправиться теперь и намъ. Идя здѣсь по снѣгу, мы часто слышали подъ собою глухой гулъ и стукъ большихъ камней, которые катила рѣчка, текущая подъ сугробами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ снѣговой сводъ былъ толще или тропинка шла не непосредственно надъ рѣкою, онъ до насть уже не доносился; за то въ другихъ мѣстахъ мы слышали его такъ явственно, что пробираться здѣсь по снѣгу было какъ-то жутко и непріятно. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ поручиться, что снѣговые своды, съ каждымъ днемъ дѣлающіеся топыше и топыше, не рухнутъ сегодня подъ тяжестью человѣка въ томъ мѣстѣ, гдѣ они болѣе или менѣе свободно выдерживали тяжесть его вчера, и что человѣкъ не очутится мгновенно въ холодной, какъ ледь, водѣ, которая унесетъ его въ мрачное подземелье, заваленное угловатыми и часто очень острыми обломками скаль.

На путешествие по этому склону мы употребили около часа и добрались наконецъ по немъ до самыхъ верховьевъ Наровани. Снѣговъ вокругъ насъ здѣсь оказалось еще больше и снѣжные поля всевозможныхъ размѣровъ, формъ и очертаній, въ видѣ вѣра раскидывались теперь во все стороны отъ центра той котловины, изъ которой вытекаетъ рѣчка Наровани. Надо замѣтить, что такое большое количество снѣговъ лежитъ въ этомъ мѣстѣ не каждое лѣто, а только послѣ болѣе или менѣе снѣжныхъ зимъ, какъ напр. послѣ зимы 1888 г.; но большей или менѣей величины фирновыя поля остаются здѣсь, очевидно, изъ года въ годъ и они обозначены на пятиверстной карте Кавказа *).

Отъ верховьевъ Наровани мы повернули влѣво почти подъ прямымъ угломъ и направились на югъ. Пробѣхавъ по снѣгу съ поль-версты, мы должны были слѣзть съ лошадей и вести ихъ за собою, такъ какъ здѣсь онъ глубоко вязли въ снѣгу, да и подъемъ былъ очень круты. Пройди такимъ образомъ еще съ полчаса, мы вдругъ очутились на самой вершинѣ хребта, возвышающагося между Тушинской Алазанью и Наровани. Это случилось раньше, чѣмъ я предполагалъ, именно въ 5 ч. 50 м. утра, такимъ образомъ мы употребили на весь подъемъ, начиная отъ нашего ночлега, только часъ и двадцать минутъ. Это, конечно, было для насъ очень приятнымъ сюрпризомъ, такъ какъ мы думали, что восхожденіе на хребетъ займетъ по крайней мѣрѣ часа 3—4.

Только-что упомянутый хребетъ представляетъ часть или продолженіе того самаго, который раздѣляетъ обѣ Алазани Тушетіи. Какъ уже было сказано, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень высокъ и покрытъ снѣгомъ. Переваль Сацхенисъ-геле, находящійся на немъ, имѣеть напр. вышину въ 10452 ф., а нѣкоторые отдаленные зубцы его поднимаются еще выше; но въ самыхъ верховьяхъ Тушинской Алазани и Наровани, где этотъ хребетъ долженъ бы быть еще выше, въ немъ образовалась очень глубокая сѣдовина; на ней мы теперь и находились. Высота ея гребня, или, иначе говоря, перевала, не была мною опредѣлена, но, вѣроятно, она не превышаетъ 10000 ф.; горы-же, возвышающійся по сторонамъ его, достигаютъ тысячъ 11 футовъ, если не больше. Какъ на самомъ перевалѣ, такъ и при подъемѣ

*.) Въ этомъ мѣстѣ на названной карте значится гора Альго.

на него, изъ царства минераловъ не встрѣчается ничего, кромѣ аспиднаго сланца; что-же касается растительности, то ни травъ, ни цветовъ на перевалѣ не было вовсе, а попадались только маленькие лишайники, прилипившіе кое-гдѣ къ камнямъ; по пути-же къ перевалу на скалахъ и вокругъ нихъ мы встрѣчали довольно много различныхъ мелкихъ альпийскихъ растеній съ красивыми цветками. Здѣсь попадались крошечныя генцианы (*Gentiana rupigena*), *Campanula* вѣсколько видовъ, камнеломокъ (*Saxifraga*), незабудки (*Myosotis sylvatica*), *Gnaphalium* съ пушистыми листьями и бѣлыми цветами, *Alchemilla argentea* и т. д. Изъ птицъ мы видѣли завирушекъ (*Accentor alpinus*), альпийскихъ воронъ (*Fregilus graculus*) и кромѣ того вѣсколько разъ слышали крикъ горныхъ индѣекъ. Ни туровъ, ни сернъ, ни ихъ следовъ на этомъ перевалѣ, также какъ и на Мтидѣ-гверди, мы не видѣли вовсе, да, вѣроятно, лѣтомъ такія осторожныя животныя и не заходятъ въ эти сравнительно доступныя и часто посѣщаемыя людьми мѣста.

Спускъ съ перевала къ Тушинской Алазани оказался гораздо длиннѣе, чѣмъ подъемъ на него со стороны Наровани; но тамъ какъ онъ обращенъ къ югу, то снѣгъ на немъ уцѣлѣлъ только въ немногихъ мѣстахъ, все-же прочее было покрыто плитами и обломками аспиднаго сланца. Еще ниже начинались уже горные пастбища, покрыты той мелкой, приземистой, густой травкой, которая обыкновенно растетъ на самыхъ верхнихъ горныхъ лугахъ.

Въ концѣ спуска съ перевала мы встрѣтили хорошо сохранившіяся древнія морены. Одна изъ нихъ представляла огромный валъ, идущій поперекъ долины и имѣющій высоту въ вѣсколько сажень. Во многихъ мѣстахъ, на верху его, торчали изъ земли огромные эрратические валуны. Еще ниже, именно тамъ, гдѣ сливаются два истока Тушинской Алазани, на-громожденъ другой подобный-же валъ; онъ прорѣзанъ этими истоками въ двухъ мѣстахъ и раздѣленъ такимъ образомъ ими на три части. Средняя изъ нихъ выдается въ видѣ горы, по обѣимъ сторонамъ которой несутся быстрыя рѣчки, и, безъ сомнѣнія, составляла прежде, вмѣстѣ съ двумя крайними, одинъ непрерывный валъ.

Недалеко отъ этого вала мы повернули направо, т. е. вверхъ по ущелью Тушинской Алазани, переправились на противоположный берегъ ея, проѣхали еще съ версту вдоль него,

а затѣмъ, поднявшись немного на правый склонъ долины, сдѣлали привалъ на красивомъ горномъ лугу, вблизи которого находились небольшія березовыя заросли. Здѣсь мы рѣшили отдохнуть съ частью, закусить, напиться чаю, а потомъ уже предпринять восхожденіе на Главный Кавказскій хребетъ, съ тѣмъ, чтобы перебраться черезъ него и къ вечеру спуститься на южный склонъ въ долину Пшавской Арагвы.

Перевалъ,透过 which мы должны были теперь перейти, лежитъ къ сѣверо-западу отъ Мтидь-гверди и отстоитъ отъ него верстъ на двадцать. Дорога, ведущая черезъ этотъ перевалъ, пересекаетъ Главный хребетъ у горы Борбalo, гдѣ отъ Главнаго хребта отходитъ кряжъ, соединяющій его съ Пиркительскимъ хребтомъ и отдѣляющій верховья Аргуна отъ верховьевъ Тушинской и Пиркительской Алазани. Перевалъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше Мтидь-гверди. Правда, мѣстами онъ довольно крутъ, за то ни на немъ, ни по дорогѣ къ нему вовсе нѣть скалъ или осипей, и только одно мѣсто на всемъ пути чрезъ него можно считать, при томъ лишь въ дурную погоду, не безопаснѣмъ.

Отдохнувъ не болѣе часа, мы начали взбираться на Главный хребетъ, направляясь почти прямо на западъ. Въ это время былъ девятый часъ утра. Подъемъ при самомъ началѣ оказался очень крутымъ, но за то почти всюду былъ покрытъ мелкой, густой травкой. Кое-гдѣ намъ приходилось взбираться пѣшкомъ, но большую часть подъема мы сдѣлали верхами. Надо замѣтить, что тропинка, которая вела къ перевалу, приблизительно на половинѣ горы раздѣляется на двѣ новыхъ: лѣвая направлялась черезъ Главный хребетъ къ верховьямъ Алазани, въ Кахетію, а правая къ верховьямъ Арагвы, въ Пшавію. Послѣдняя особенно удобна для перехода или перѣѣзда черезъ Кавказскій хребетъ.

Поднимаясь шагъ за шагомъ то пѣшкомъ, то на своихъ лошадяхъ, мы по истечениіи двухъ часовъ достигли наконецъ гребня Главнаго хребта, пройдя по снѣгу не болѣе 30—40 сажень, и очутились въ это время между вершинами Большого и Малаго Борбalo, при чемъ первый былъ влѣво (на югъ) отъ насъ, а второй вправо (на сѣверъ). Вершины этихъ двухъ горъ отстоять одна отъ другой версты на двѣ, основавія же ихъ сливаются вмѣстѣ. Обѣ они состоять изъ черныхъ шиферныхъ скалъ и огромныхъ шиферныхъ же осипей. Вершина М. Бор-

бало находится чуть-чуть съверище гребня Главного хребта, а вершина Большого Борбalo отстоит от него немного на югъ. На первой изъ этихъ вершинъ снѣга было очень мало и къ концу лѣта онъ вавѣроно стаялъ совершенно, на второй-же находились среднихъ размѣровъ фирновыя поля, но ледники отсутствовали вполнѣ. Вершина Большого Борбalo *) поднимается, какъ известно, до 10807 ф. надъ уровн. моря, Малый-же Борбalo замѣтно ниже.

Прежде чѣмъ спускаться въ долину Арагвы, мы должны были пройти довольно значительное разстояніе по хребту, вдоль его гребня. Вначалѣ на пространствѣ сажень 70 намъ пришлось пробираться даже по самому гребню, и здѣсь влѣво отъ насъ зияла страшная пропасть, глубиною, вѣроятно, не менѣе тысячи двухъ футовъ. На днѣ ея течетъ Кахетинская Алазань, принадлежащая южному склону Кавказа и получающая начало съ юго-восточной стороны Большого Борбalo. На пятиверстной карте это ущелье названо Циплованисъ-хеви, и ограничивается оно съ одной стороны Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, а съ другой горами, отдѣляющими верховья Алазани отъ верховьевъ горы и Пшавской Арагвы. Ущелье это узко, страшно глубоко и представляется сверху, какъ я уже говорилъ, ужаснѣйшей пропастью, скалистыя стѣны которой обрываются почти отвѣсно. Когда мы шли надъ самымъ краемъ этой пропасти, дуло по направленію къ ней сильный вѣтеръ, и надо было имѣть крѣпkie нерви, чтобы спокойно шагать по узенькой тропинкѣ, извивающейся надъ страшной бездной.

Пройди это мѣсто, мы продолжали путь по южной сторонѣ Малаго Борбalo. Тропинка здѣсь идеть очень высоко, по-видимому, лишь на нѣсколько десятковъ сажень ниже самой вершины горы и представляеть продолженіе той, о которой только-что говорилось; но здѣсь она извивается уже не по гребню хребта, а по крутыму востокору, покрытому мелкими, сыпучими, пластинчатыми обломками шифера. Только на самой тропинкѣ они были болѣе или менѣе утоптаны, по сторонамъ же ея представляли такую зыбкую массу, на которую нельзя было поставить ногу, чтобы она вмѣстѣ съ кучей обломковъ не сползла внизъ. Влѣво непосредственно отъ самой тропинки тянется гладкій, но страшно крутой откосъ, всѣ малѣйшія неровности

*) Большой Борбalo шавы называютъ Ботанисъ-мта. Объ этомъ говорить и Г. Радде.

которого тщательно засыпаны и выровнены мелкими пластинками того же зыбкого шифера. Этотъ откосъ тянется лишь сажень на сотню, а за нимъ тотчасъ слѣдуетъ почти отвесный уступъ, обрывающійся до самаго дна пропасти, по которой течеть Алазань. Когда мы проходили по этой мѣстности, сильный вѣтеръ продолжалъ дуть по прежнему. Порывы его временами были настолько стремительны, что надо было употреблять порядочное усилие, чтобы сохранить равновѣсіе и не слетѣть внизъ. Только пройдя это опасное мѣсто, танувшееся на протяженіи около $\frac{1}{2}$, версты *), мы могли спокойно посмотретьъ внизъ и полюбоваться новой дивной картиной на верховья Кахетинской Алазани. Чудное смѣшеніе лѣсовъ, горныхъ луговъ, отвесныхъ скаль и кое-гдѣ снѣговъ было такъ красиво, что описать его нѣтъ никакой возможности. Другая такая-же прекрасная картина открывалась намъ на востокѣ, гдѣ видна была долина Тушинской Алазани и вся окружающая ее горы.

Когда мы прошли весь косогоръ, и вершина М. Борбalo осталась позади насъ, то дорожка продолжала извиваться по сыпучему шиферу, но уже надъ верховьями Аргуна. Отсюда также открывался цѣлый лабиринтъ долинъ, ущелій и раздѣляющихъ ихъ горныхъ хребтовъ, которые принадлежали частью Хевсуріи, частью Чечнѣ. Въ это время въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нами тянулись альпійские луга, а далеко внизу, на днѣ и склонахъ долинъ, зеленѣли лѣса; видно было отсюда и нѣсколько скалистыхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ.

Пройдя вдоль гребни Главнаго хребта еще версты двѣ, мы сдѣлали привалъ уже надъ верховьями Шпавской Арагвы. Вскорѣ въ намъ подошли пастухи-шпавы. Мы подробно разспросили ихъ о дорогѣ до ближайшихъ шпавскихъ селеній и здѣсь разстались съ Михако, напімъ незамѣнимымъ проводникомъ, который по своимъ домашнимъ дѣламъ долженъ былъ возвратиться въ Тушетію.

Мѣсто, на которомъ мы теперь находились, названо на пятиверстной карте переваломъ Андаки. Черезъ него проходить дорога изъ Шпавіи въ Тушетію, именно къ верховьямъ Тушинской Алазани, и въ Хевсурію, къ верховьямъ Шаро-Аргуна. Переваль этотъ почти вовсе лишенъ скалъ и представляетъ

*.) Во время дождя по мокрой, скользкой тропинкѣ пробираться еще труднѣе, но въ хорошую тихую погоду путешествіе по ней не представляетъ никакой опасности.

не крутые откосы, покрытые бѣдной, однообразной растительностью, состоящей изъ мелкихъ злаковъ, въ родѣ *Alopecurus vaginatus* Pall., изъ которыхъ видовъ осоки, напр. *Carex nigra* All., камнеломокъ, драбъ (*Draba rigida* W., *D. siliquosa* M. B.) и т. д. Высота его равняется приблизительно 9500 ф. *).

Мы отдохнули на этомъ перевалѣ съ часъ времени, а по томъ начали спускаться внизъ, въ долину Пшавской Арагвы, по довольно хорошей тропинкѣ, извивающейся по горнымъ лугамъ. Съ нея отрывается очень красивый видъ на долину Пшавской Арагвы и безчисленныя балки и ущелья, примыкающія къ ней съ боковъ. Почти вся онъ внизу поросла лѣсомъ, а отдѣляются другъ отъ друга болѣе или менѣе высокими хребтами, покрытыми горными пастбищами.

Спускъ къ Арагвѣ тянулся на протяженіи вѣсколькихъ верстъ и привелъ насъ наконецъ къ одному изъ истоковъ ея въ ущелье Ленсъ-хеви. На берегу рѣчки, саженяхъ въ пятидесяти отъ крошечнаго поселка Гокци и на высотѣ 6 $\frac{1}{2}$, т. ф. надъ уровнемъ моря мы сдѣлали привалъ; но такъ какъ здѣсь оказались у насъ подъ рукой дрова и вода, то рѣшено было на этомъ-же мѣстѣ и переночевать. На слѣдующее утро мы думали спуститься по ущелью еще ниже и выйти на самую Арагву, къ селенію Уканапшави, откуда идеть уже хорошая дорога до Жинвани, Тіонетъ и т. д. Прежде чѣмъ прійтіи къ окончательному рѣшенію относительно дальнѣйшаго пути, мы сочли однако за лучшее поговорить о дорогѣ съ жителями Гокци, и они къ большому неудовольствію всѣхъ насъ объявили, что наши предположенія на этотъ разъ неосуществимы, такъ какъ тропинка по дну Ленсъ-хеви въ одномъ мѣстѣ съ самой весны завалена камнями и снѣгомъ и сдѣлалась по этой причинѣ не проѣздной. Такимъ образомъ оказалось, что мы совершенно напрасно спускались въ Ленсъ-хеви и потому завтра должны будемъ снова взбираться на очень высокую гору, поднимающуюся съ лѣвой стороны его, а потомъ тотчасъ спускаться съ этой горы въ другое ущелье; только по немъ можно будетъ направиться внизъ, къ Арагвѣ, на правомъ берегу которой расположено селеніе Уканапшави. Разсчитывая добраться отъ Гокци безъ малѣйшихъ затрудненій до густо-населенныхъ мѣстъ,

*) Основаніе конуса Б. Борбalo акад. Рунпрехтъ опредѣляетъ въ 9655 ф. надъ уровн. моря; на такой-же высотѣ приблизительно лежитъ и этотъ перевалъ.

имѣющихъ уже хорошия пути сообщенія, и порядочно утомившись длинными, крутыми спусками и подъемами Тупети, мы были теперь очень опечалены подобнымъ извѣстіемъ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости разсказовъ жителей Гокци о дорогѣ, я съ своимъ спутникомъ Т. отправился внизъ по ущелью, къ тому мѣсту, гдѣ дорога, судя по рассказамъ, должна оказаться заваленной камнами и снѣгомъ. Вскорѣ мы дѣйствительно добрались до этого мѣста и тотчасъ убѣдились, что человѣкъ могъ бы еще какъ пробраться здѣсь, но что провести лошадей не мыслимо. Такимъ образомъ на слѣдующий день намъ снова предстояло карабкаться по крутымъ, высокимъ горамъ и потратить на это не мало труда и времени.

Утромъ мы встали очень рано и двинулись въ путь до восхода солнца, чтобы прежде наступленія жары совершить большую часть подъема. Глухая тропинка тянулась здѣсь по лѣсу, была вообще страшно крутая и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднималась чуть не на отвѣсную стѣну, при чёмъ должна была дѣлать множество зигзаговъ. Такимъ образомъ намъ пришлось, обливаясь потомъ, взбираться по ней въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Когда лѣсъ кончился, то тропинка потанулась черезъ заросли рододендроновъ и альпійские луга. Часовъ въ 8 мы выбрались на вершину хребта, но здѣсь должны были испытать новое горе: наша тропинка совершенно исчезла, и мы не знали, куда двинуться. Всѣ старанія отыскать слѣды подковъ или конькъ на горныхъ лугахъ не увѣнчались никакимъ успѣхомъ, и мы, зная лишь приблизительно направление, по которому слѣдовало идти дальше, рѣшили продолжать путь безъ дороги. Проплутавши порядочное время по склону горы и спустившись не безъ труда на дно долины, мы встрѣтили тамъ нѣсколько пшавовъ и при помощи ихъ выбрались наконецъ на настоящую дорогу. Переѣхавъ потомъ черезъ одинъ изъ истоковъ Арагви и черезъ нее саму, мы попали въ селеніе Уканапшави, расположеннное на лѣвомъ берегу рѣки, на высотѣ въ 5538 ф. надъ уровни моря, и здѣсь остановились у тамошняго священника (деканоза) Михаила Чихандзе.

Въ Уканапшави я нанялъ на нѣсколько часовъ проводника изъ мѣстныхъ охотниковъ, чтобы вмѣсть съ нимъ отправиться на одинъ изъ ближайшихъ гребней и взглянуть оттуда на юго-западную сторону Б. Борбalo. Мы направились снова вверхъ по Арагви, а потомъ свернули влево въ небольшое боковое

ущелье правой стороны долины. Это более или менее скалистое ущелье было почти сплошь покрыто кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ; дороги въ немъ не было, и потому мы при наѣзѣ его должны были оставить своихъ лошадей и отправиться дальше пѣшкомъ. Взобравшись на одинъ высокий косогоръ, мы увидѣли наконецъ вершину Большого Борбalo. Это очень красива гора въ 10807 ф., съ верхней частью, имѣющей видъ совершенно правильного и очень тупого конуса, одѣтаго сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ. Только вблизи самой вершины его, съ правой стороны горы, замѣты были въ бинокль темные выступы скалъ. Снѣга спускаются здѣсь однако очень недалеко отъ вершины горы, приблизительно футовъ на 400, считая по вертикальному направлению, т. е. до высоты около 10400 ф. надъ уровни моря. Къ концу лѣта ихъ граница поднимется, конечно, еще выше. Такимъ образомъ съ этой стороны горы снѣгъ почти столько-же, сколько и съ противоположной ей; что же касается ледниковъ, то они и здѣсь отсутствуютъ совершенно.

Окрестности Уканапшави оживаютъ довольно порядочнымъ количествомъ птицъ. Я видѣлъ здѣсь нѣсколькихъ удодовъ, кукушекъ, бѣлозобыхъ дроздовъ (*Merula torquata* L.), красногрудыхъ воробьевъ (*Carpodacus erythrinus*), стрижей (*Cypselus apus*), пустельгу (*Tinunculus alaudarius*), осеняночъ, завирушекъ и т. д.; присутствія же крупныхъ звѣрей и здѣсь не было замѣтно. Вовсе не было видно напр. разрытыхъ муравейниковъ, которые едвали не прежде всего обнаруживаютъ присутствіе медвѣдей. Впрочемъ, и по разсказамъ жителей этотъ звѣрь здѣсь попадается крайне рѣдко. Туры и безоаровые козлы, въ особенности послѣдніе, встречаются тоже въ очень ограниченномъ количествѣ; но здѣсь также, какъ и въ Тушетіи, мнѣ говорили, что оба вида козловъ на чеченской сторонѣ горъ водятся въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ Шаваї или сосѣдней съ нею Хевсурії.

Изъ Уканапшави мы отправились внизъ по Арагвѣ, къ святымъ здѣшнихъ мѣстъ, Лашарисъ-джвари, къ которому стекаются изъ года въ годъ тысячи людей. Это мѣсто расположено на довольно пологомъ гребнѣ высокой правой стороны долины, верстахъ въ 4—5 отъ Уканапшави. Крупные, раскидистые ясеня покрываютъ гребень косогора и ближайшіе къ нему склоны, а дальше за ними тягется уже болѣе или менѣе смѣшанный лѣсъ. Подъ тѣнью ясеней устроенъ изъ камней жертвеникъ, вы-

шиною аршина въ полтора. На немъ разбросано множество различныхъ вещей, какъ-то: мѣдныхъ колецъ, лоскутковъ матерій, ленточекъ, кусковъ стекла, разбитыхъ зеркалъ, гвоздей и т. д. На жертвеникѣ стоять также жестяная чаша съ кронштейномъ изъ ясеневыхъ вѣтвей и образъ Георгія Побѣдоносца, а около него растеть большой ясень, также обвязанный разными, ничего не стоющими предметами. Шагахъ въ 6 отъ него находится яма, глубиною, какъ говорять, сажени въ двѣ и шириной въ аршинъ. Сверху она болѣе или менѣе покрыта каменными плитами, при чёмъ между ними остается квадратное, величиною въ полъ-аршина отверстіе. Надъ этой ямой рѣжутъ всѣхъ жертвенныхыхъ животныхъ, кровь которыхъ черезъ упомянутое отверстіе стекаетъ въ яму и, по словамъ пшавовъ, въ самый разгарь празднества наполняетъ ее почти до краевъ. Множество валяющихся около ямы и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея бычачьихъ, а въ особенности овечьихъ, ногъ сидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь во время празднествъ убивается очень много животныхъ. Рога ихъ также въ изрядномъ количествѣ развязаны на растущихъ около жертвеника деревьяхъ. Не далеко отъ него сложена еще изъ камней небольшая хатка. На ней и внутри ея валяется около дюжины роговъ.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ жертвеника находится довольно большое, сажень въ 15 въ длину и ширину, огороженное пространство. Внутри его построено нѣчто въ родѣ часовни, съ крышей изъ бѣлой жести и крестомъ надъ нею. Отъ одного ясна къ куполу часовни протянута веревка и на ней развязано множество очень маленькихъ мѣдныхъ колокольчиковъ. Недалеко отъ часовни находится длинный сарай, на крыше втораго навалено много оленьихъ роговъ, а нѣсколько выше его, но внутри того же обнесенного изгородью пространства, сложена изъ шиферныхъ плитъ ступенчатая 4-хъ-угольная пирамида. Во время нашего посѣщенія этого мѣста мы не встрѣтили въ немъ никого изъ молящихся, а лишь нѣсколько человѣкъ чеченцевъ, пріѣхавшихъ сюда на время здѣшнихъ праздниковъ съ цѣлью сбыта грузинамъ своихъ произведеній: бурокъ, суконъ и т. д. За то мы застали здѣсь цѣлые десятки воронъ, коршуновъ, орловъ и грифовъ, прилетѣвшихъ попользоваться тѣми гнѣющими остатками, которые валяются здѣсь. Надо замѣтить, что около Лашарисъ-джвари гнѣтъ такъ много крови, внутренностей, ногъ, кусковъ кожи, что вонь стоитъ невыносимая.

Осмотрѣвъ Лашарисъ-джвари, мы двинулись внизъ по Пшавской Арагвѣ. Она течеть здѣсь по довольно широкому дну долины, по сторонамъ которой поднимаются горы, не особенно богаты растительностью. Въ особенности это можно сказать про правый склонъ, обращенный на югъ и покрытый лишь тощей, сухой травой и мелкими кустарниками, въ родѣ шиповника, барбариса, таволги (*Spiraea crenata*) и т. д..

Верстахъ въ 13 ниже Лашарисъ-джвари сливаются оба главные истока Пшавской Арагвы. *) Это мѣсто находится на высотѣ 3676 ф. надъ ур. моря. Здѣсь выстроена хевсурская кузница, которая пришла намъ очень кстати, такъ какъ въ ней мы могли перековать нашихъ лошадей, подковы которыхъ пришли уже въ негодность; кроме того у кузнеца я добылъ себѣ два сацерули, т. е. желѣзныя съ острыми шипами кольца, которые хевсурь надѣваютъ на большой палецъ правой руки и въ дракѣ наносятъ ими своему противнику въ лицо раны. Въ этой кузницѣ мы застали двухъ молодыхъ хевсурокъ, пришедшихъ сюда набрать желѣзныхъ оскоблинъ, которыя онѣ употребляютъ, въ смѣси съ отваромъ древесной коры, для окраски тканей въ черный цвѣтъ. Одна изъ нихъ своею наружностью произвѣла на насъ очень приятное впечатлѣніе, была высокаго роста, очень стройна, красива, имѣла темные волосы, нѣжный цвѣтъ лица и прекрасные голубые глаза.

Ниже слѣдія упомянутыхъ двухъ истоковъ характеръ долины Пшавской Арагвы сразу сильно измѣняется: долина становится значительно просторнѣе, голыя скалы, кручи и осыпи въ ней почти исчезаютъ, а лѣса наоборотъ все болѣе и болѣе захватываютъ обоими склонами ея. Долина пріобрѣтаетъ такимъ образомъ очень нѣжный, мягкий и красивый колоритъ. Берега Арагвы окаймляются здѣсь узкими перелѣсками изъ ольхи, осинъ и вербы, за ними тянутся часто болѣе или менѣе широкія полосы луговъ, а еще дальше горы, покрытыя сплошнымъ лиственнымъ лѣсомъ. Только кое-гдѣ, среди зелени его, виднѣются группы небольшихъ скалъ. Изъ деревьевъ здѣсь встрѣчаются букъ, дубъ (*Quercus robur*), ясень, кленъ (*Acer campestre*) и т. д. Одно мѣсто этой долины интересно еще въ томъ отношеніи, что здѣсь на довольно порядочномъ пространствѣ растетъ мно-

*) Одинъ изъ нихъ называется обыкновенно Хевсурской Арагвой, такъ какъ въ его долинѣ живутъ исключительно хевсуры.

го красивыхъ и довольно крупныхъ тиссовыхъ деревьевъ (*Taxus baccata L.*), которая въ другихъ мѣстахъ Шавиинъ не встречалась вовсе.

Пройхавъ внизъ по этой долинѣ до селенія Тваливи, мы свернули влѣво и по узкой тропинкѣ стали взбираться на средней высоты хребетъ, раздѣляющій долины Арагви и Йоры, по томъ спустились съ него и черезъ селеніе Тушури снова попали въ Тіонеты.

Отдохнувъ въ Тіонетахъ сутки, я предпринялъ еще небольшую экскурсию вверхъ по долинѣ Йоры. Мы выступили часа за 4 до восхода солнца, разсчитывая пройхать верстъ 15 до селенія Артани и переночевать у тамошняго священника отца Александра, который хорошо знаетъ русскій языкъ и вообще пользуется прекрасной репутацией. Дорога отъ Тіонетъ до Артани все время тянется вдоль праваго берега Йоры, по обѣимъ сторонамъ которой разбросаны небольшія шавскія деревушки. Сама долина имѣть здѣсь мягкий и очень живописный видъ. Скаль въ ней не видно вовсе; горы, идущія по сторонамъ ея, поднимаются всего на тысячу или тысячи на полторы футовъ надъ дномъ ея и покрыты лѣсами, среди которыхъ виднѣются много небольшихъ полянокъ, испещренныхъ хлѣбными нивами.

Мѣсто, на которомъ расположено Артани, очень красиво. Это маленькое селеніе находится на правомъ берегу рѣки и почти на самомъ днѣ долины. Въ немъ есть небольшая церковь и довольно много чистенькихъ каменныхъ домиковъ. Они совершенно не похожи на хаты тушинъ, хевсуроръ и прочихъ представителей полудикихъ племенъ Кавказа, построены очень аккуратно изъ хорошо отесанаго камня, имѣютъ черепичатыя крыши и нерѣдко вдоль всего передняго фасада широкую крытую галлерею. Противъ селенія, по другую сторону Йоры, поднимается довольно высокая гора, поросшая сплошнымъ лѣсомъ, а нѣсколько ниже ея, отъ главной долины отходитъ другая, второстепенная. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ они сливаются, находится еще небольшое шавское селеніе, а надъ нимъ гора, на которой узкая полоски лѣса чередуются съ хлѣбными полями. Съ западной стороны Артани также поднимается крутой косогоръ, покрытый густой, но низкой, приземистой травкой, а еще выше тянутся заросли изъ орѣшника, лычи, боярышника и т. д. Воздухъ въ Артани необыкновенно чистый, здоровый. Вѣтровъ здѣсь почти не бываетъ, всюду кругомъ зелень, болотъ нѣть,

о пыли не можетъ быть и рѣчи, и температура круглый годъ очень умѣренна.

Изъ Артани открывается красивый видъ на верховья Йоры, гдѣ долина ея раздѣляется высокой горой, внизу покрытой лѣсомъ, а вверху горными пастбищами, на двѣ части. По словамъ здѣшнихъ жителей въ Йорѣ водится не мало рыбы, именно форели и усачей; кромѣ того долина ея оживляется порядочнымъ количествомъ птицъ. Мы видѣли здѣсь много горлицъ, ветютеней, соекъ, иволгъ, чижей, снегирей, воронъ, чекановъ, черныхъ и бѣлозобыхъ дроздовъ; наконецъ съ полей и луговъ безпрерывно доносился до насъ крикъ перепеловъ и коростелей.

На слѣдующій день, часовъ въ 7 утра, послѣ чаи и закуски у гостепримнаго отца Александра, мы двинулись въ путь вверхъ по долинѣ Йоры. Она и здѣсь сохраняетъ тотъ-же магій, пріятный для глазъ колорить, только горы, идущія по обѣимъ сторонамъ ея, становятся значительно выше. Растительность и здѣсь одѣвается почти сплошнымъ покровомъ какъ дно, такъ и склоны долины; лѣса, состоящіе изъ дуба, букі, клена, ясені, груши, орѣшника, ольхи (*Alnus incana*), черноольхи (*Alnus glutinosa*), боярышника и т. д., пересѣкаются множествомъ красивыхъ полянъ. Только въ немногихъ мѣстахъ изъ этой сплошной массы зелени выступаютъ камни и небольшія скалы. Очень красиво выглядываютъ здѣсь и тѣ многія короткія боковыя долины, которые присоединяются къ главной съ правой и лѣвой стороны. Въ каждой изъ нихъ течетъ по небольшой горной рѣчкѣ, впадающей потомъ въ Йору. Такой характеръ сохраняетъ долина до самыхъ верховьевъ рѣки и тѣмъ сильно отличается отъ сосѣдней съ нею долины Арагвы, которая въ верхней своей части скалистая, бѣдна лѣсомъ и вообще зеленою.

Во время путешествія по долинѣ Йоры мнѣ пришлось проѣхать мимо нѣсколькихъ священныхъ рощъ и полянъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ маленькия часовни или домики, гдѣ живеть обыкновенно такъ-называемый хевис-бери, т. е. отшельникъ, отказавшійся отъ своихъ родныхъ, дѣтей, если они у него были, и проводящій жизнь вдали отъ суеты людской. Жители ближайшихъ селеній доставляютъ ему пищу и часто одѣжду, а онъ молится за нихъ, служитъ имъ молебны, панихиды и т. д. Читасть онъ то христіанскія молитвы, какъ напр. молитву Господню, то имъ самимъ составленныя, часто даже импровизи-

рованныя, и при этомъ держать иногда, подобно священнику, крестъ въ рукахъ. У хевис-бери бываетъ иногда помощникъ, известный подъ именемъ дастули. Что касается образовъ, то въ часовняхъ чаще другихъ бываетъ образъ Георгія Побѣдоносца, св. Тамары, а также образъ Божьей Матери. Рядомъ съ ними лежать иногда болѣе или менѣе цѣнныя вещи, а чаще предметы, не имѣющіе никакой стоимости, какъ это уже было упомянуто при описаніи Лашарисъ-джвари. Эти святые мѣста, луга, поляны и рощи часто бываютъ обнесены валомъ изъ камней, а иногда и настоящей стѣной. Въ долинѣ Йоры, около мѣстечка Хиліани, находится особенно почитаемая пшавами священная грушевая роща.

Часа въ 4 пополудни мы добрались до Капари, послѣдняго въ верховьяхъ Йоры селенія, и здѣсь, повернувъ влѣво, начали взбираться на хребетъ, возвышающійся между долинами Йоры и Шавской Арагви. Съ него мы надѣялись увидѣть всѣ горы, окружающія верховья Йоры. Дѣйствительно, когда мы поднялись на болѣе или менѣе значительную высоту, то передъ нами открылся прекрасный видъ на всѣ ближайшіе хребты, долины, балки и ущелья. Видно было, какъ Йора образуется здѣсь изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ небольшихъ рѣчекъ, при чмъ тѣ изъ нихъ, которыя текутъ съ восточной стороны, получаютъ начало на склонахъ горы Масарисъ-мта (10129 ф.), возвышающейся между долинами Йоры и Алазани, другія же, лежащія западнѣе первыхъ, начинаются отъ горы Ураоба и сосѣднихъ съ нею. Большая часть склоновъ всѣхъ этихъ горъ покрыта травой, снѣговъ на нихъ очень мало, а на Масарисъ-мта — нѣтъ вовсе; что касается глетчеровъ, то о нихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Подъемъ на хребетъ былъ очень крутъ, но благодаря совершенному отсутствію на тропинкѣ камней и скалъ, можно было большую часть его проѣхать верхомъ. Часа за полтора до захода солнца мы взобрались почти на самый гребень хребта и расположились на ночлегъ по сосѣдству съ грузинскими пастухами, приковавшими сюда изъ Алазанской долины. Мѣсто это лежитъ очень высоко, именно на 8200 ф. надъ ур. моря, сильно продувается вѣтромъ и оказалось на этотъ разъ такимъ холоднымъ, что мы большую часть ночи провели здѣсь безъ сна и еще до разсвѣта должны были приняться разводить костеръ и приготовлять чай. На наше горе и погода стояла очень пло-

хая, всѣ горы были окутаны облаками, а мелкій дождикъ, начавшійся еще съ вечера, не переставалъ идти почти всю ночь. Само собой разумѣется, что развѣсть костеръ при такихъ усло-віяхъ намъ удалось только послѣ продолжительныхъ усилий.

На слѣдующій день погода была также плоха, какъ и ночью. До самаго обѣда, почти не переставая, шелъ дождь и только по временемъ вѣтеръ разгонялъ облака и давалъ намъ возмож-ность взглянуть на сосѣднія горы. Тогда показывался изъ за тучъ и нашъ старый знакомый-Борбalo, значительно побѣгшій отъ выпавшаго на немъ ночью снѣга. До вершины его бы-ло теперь не болѣе десяти верстъ.

Съ этого мѣста намъ надо было отправиться въ обратный путь. Долго ждали мы напрасно того момента, когда перестанетъ дождь; но такъ какъ онъ не прекращался ни на минуту, то рѣшили выступить, не обращая на него вниманія. Самая удобная дорога къ Анануру пролегала отсюда по знакомой уже намъ долинѣ Арагвы. Чтобы попасть въ нее приблизительно хотя къ Уканапшави, мы должны были спуститься на 3000 ф. по крутой скользкой тропинкѣ, которая тянулась все время по мокрому, измельченному въ порошокъ шиферу. Само собой разумѣется, что весь этотъ длинный спускъ мы должны были пройти пѣшкомъ, употребивъ на это болѣе двухъ часовъ. Дождь и въ это время не прекращался ни на минуту. Растительность здѣсь была довольно бѣдна и однообразна, а лѣски начали по-падаться намъ только вблизи Арагвы. При началѣ спуска, на высотѣ тысячъ $7\frac{1}{2}$, фут., мы встрѣтили 2 небольшія озерца и съ одного изъ нихъ вспугнули стайку утокъ.

Передъ вечеромъ мы добрались до Арагвы, перейхали єе и еще черезъ полчаса мокрые, усталые и голодные вступили въ Уканапшави, гдѣ и остались до слѣдующаго утра.

Н. Динникъ.